

Лучинкин Е.В.

ОТКРОВЕНИЯ ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ПАПУАСОВ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Евгений Лучинкин

**Откровения для
настоящих папуасов**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Лучинкин Е. В.

Откровения для настоящих папуасов / Е. В. Лучинкин —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Сборник рассказов, притч, прибауток и научно-популярных трактатов о скрытых сторонах человеческой жизни, предназначенных для широкого круга читателей, интересующихся всем многообразием мироздания. Мы часто говорим: Давай! Ну, давай, бывай! Давай, двигай, братишка! Или: Давай, не тормози! Или просто: Ну, давай! Всё нам чего-то «Давай» ... Ну, а чего не так-то? Ты или давай жАру или сваливай! Самим человечьего тепла мало! Вот я и даю жАру. Всем бескрылым, рождённым ползать, и в небо глядящим лишь затем, чтобы узнать не идёт ли дождь, не ведающим, что мир таков, каким мы его рисуем сами. И сколько не говори, что небо голубое, а вода мокрая — это не совсем то, что есть на самом деле. А вот задаться вопросом: Как оно есть на самом деле? — в голову почти никому не приходит. А зачем? А может не надо? А кому не надо, не про тебя моё «Давай». Тем же папуасам, что проявили интерес к жизни: «Ой, не всё так просто, как кажется!» — вот для них эта книга и предназначена. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Кому предназначено	5
Вместо предисловия	6
Предупреждение	7
Почему эта книга написана и для чего	8
О стиле изложения *	9
«Мой муж – офеня!!!»	10
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Евгений Лучинкин

Откровения для настоящих папуасов

Кому предназначено

А по преимуществу тем, кто считает, что по жизни сильно обделался.

Или обделался настолько, что до него дошёл смысл известной цитаты: «Я знаю, что я ничего не знаю».

Обделался, погорчался по этому поводу и предпочёл благополучному сливанию от действительности изнурительный путь от папуасца до папуаса с большой буквы Че.

Здесь и далее будут смело использоваться цитаты и высказывания для настоящих папуасов из трудов иных классиков, коим удалось заглянуть в пропасть Знания и от этого не окочуриться (по крайней мере, до того момента, когда увиденное ими не воплотилось в прозрачные правила для настоящих папуасов).

Вместо предисловия

Эта книга создавалась в течение семи лет, а сырьё для неё накапливалось, Бог знает, сколько времени.

Цивилизованные врачи поставили автору неумолимый приговор. И каждый день он, упаковав чемоданы на дальнюю дорогу, прощался с жизнью. Наконец ему эта бодяга надоела, и автор этих строк помер.

Но тут в дело вмешалась детская мечта Ени Лу – встать из гроба, посмотреть своим мучителям в глаза и поинтересоваться: «Ну, чо типа, теперь-то до вас дошло, какова *замечательного чувачину* вы безвременно утратили?»

Вот и не верь после этого в воскрешение и загробную жизнь. Ага.

Да, и нечего эту книгу читать запоем – похмелье случится. Открыл! Заглянул!! Закрыл!!! И вперёд «с присущим нам юмором, да, юмором». Ку!

Да! О чём ещё хочу упредить – поработать головушкой всё же придётся (в прямой и извращённой форме). Ну, а не поработаешь, то ни рожна не поймёшь. Кю.

Предупреждение

В книге могут встречаться вещи напоминающие концепцию очередной религии или ещё того хуже – очередной философии мировосприятия. Так вот, любителям навешивать ярлыки на всякое доброе дело настоятельно советую обратиться к хорошему психотерапевту. Иначе только могила поправит.

Почему эта книга написана и для чего

Один папуас как-то сказал по поводу писания новых книжек, типа: «Вот есть пара Главных книг, а остальные это их иногда очень неудачная компиляция».

Другой папуас выразился, типа: «Книги и стихотворения всякого рода лучше вообще не писать, если это возможно. Перо в руку бери при одном условии – уже невтерпёжь, как излиться хочется. Но при этом здорово подумай: «А нужно ли людям читать твою хренотень?»».

Я к этим ребятам присоединяюсь. От себя добавлю: «Бывает и так, что книги создаются по вящей необходимости (например: алименты нужно выплачивать или жене шубу новую купить). А иногда «перо в руки берёшь» в пылу благодарности Творцу или ещё кому, за то, что терпят тебя такого папуаса. И в тайной надежде показать Ему – Любимому, насколько твоё существование в этом мире оправдано. Что-то вроде отчёта за командировку.

О стиле изложения *

Так как оное произведение предназначено для постижения многообразия явленного бытия и получения всевозможной пользы, её необходимо представлять в максимально доступной для осмысления форме.

Можно его изваять в элитарном стиле нью-андеграунда великолепного Аркадия Ровнера, можно в сурово-романтическом духе Михаила Анчарова, можно в прикольно-ёрнической манере Рам Цзы или на «худой конец», не побоявшись мировой славы, забабахать в эпическо-монументальном изложении Р.Р. Толкиена.

Стиль всегда необходим, если содержание очень часто задевает за больные места, уязвляет чувство собственной важности и заставляет скрипеть мозгами.

Стиль изложения это добрый союзник читателя и беспощадный судья взявшегося за перо.

Но главное, чтобы был диалог между читателем и изЛОГателем. А в текстах книги содержалась мудрость без лукавства, без нудных заумностей и полу-умностей.

А в общем, чтобы мы не забывали, что папуас папуасцу – не друг, не товарищ и не брат, но учитель (может быть не всегда мудрый).

** «Автор считает не конструктивным деление научных работ на академические (трудно читаемые) и популярные (легковесные). Любую сложную проблему можно изложить живым и ясным языком, не снижая научной значимости».*

Л.Н. Гумилёв

«Мой муж – офеня!!!»

От лица Татьяны Хиневич

Мы с мужем прожили уже больше десяти лет, но только когда у нас родился второй сын я случайно узнала, что он «офеня».

– Да не офеня я!

– Как не офеня? А откуда же у тебя такие способности? И почему ты мне до сих пор ничего о себе не рассказывал?

Муж долго молчал, и я уже собиралась «возмутиться», что тот опять отделается от моего вопроса «дежурными отговорками», он всё же откликнулся:

– Набери в любой поисковой системе интернета слово «офеня» – что получишь?

Я набрала и получила: «Офёня, Афеня – в Российской империи странствующий по деревням торговец мелочами с галантерейным и мануфактурным товаром, книгами, лубочными картинками». И ещё выдержки из словаря Брокгауза: афеня, ходобщик, кантюжник, картинщик, коробейник – мелочной торгаш вразноску и вразвозку по городам, деревням и особенно ярмаркам, с книгами, картинами, галантерейным, красным (панским) и прочими товарами. Происхождение слова «офеня» довольно запутано. Чтобы слово офеня взято было от Афин или Офена (Пешт) —невероятно; о мнимом афенском народе VII в. летописи молчат; сами офени называют себя масыками (масы – мы, масыги – свои, наши) и обезтильниками (плутами), но офениться на офенском языке – значит молиться, креститься, офест – крест, поэтому Даль полагает, что вернее всего слово офеня толковать – крещеный, православный. Офени – главные покупатели лубочного издателя, который их привлекает к себе посредством кредита на самых широких началах, угощений, подарков, разных услуг и пр. С давних пор офени – почти единственный посредник между народом и печатным словом. Главным гнездом офеней полагалась Владимирская губерния.

– И что? Ты то тут причём? Ты же не коробейник ...

Муж усмехнулся:

– Я тебе и говорю, что я не офеня. Скрытый смысл «быть офеней» – это быть носителем древних традиций славянских народов... И не только их языческого периода. Кто-то из учёных мужей до сих пор приписывает офеням исключительно языческие корни. Им приписывают статус хранителей знаний Тропы Трояна...

– Это кто такие? Подожди... А при чём тут твои способности и офени?

Я здесь оговарюсь, что разговор происходит уже под утро. Нашему младшему сыну Егору ещё не исполнилось месяца и у него и у меня три часа назад было критическое состояние – температура за 40, которую не удавалось сбить жаропонижающими, а у меня к этому прибавилось состояние бессилия и полного отчаяния при взгляде на беспомощный комочек сына, которого пожирала инфекция. Я сама была вымотана лактостазом и от запредельной температуры ничего не соображала. Старший сын – Илюша – два дня назад пришёл из садика с температурой и соплями. Моя мама сразу увезла его к себе «от греха». Так что приехавший из командировки муж застал нас в ожидании скорой помощи. Он сам врач и мою панику постарался прекратить. Но из лекарств в аптечке был только активированный уголь и парацетамол, ну и что-то из сердечных лекарств от маминых болячек. Муж прослушал лёгкие у меня и Егорки и сообщил, что в больницу ехать придётся, так как у новорождённых «диагностировать» пневмонию очень трудно, а «характерные для неё звуки то есть, то нет».

– Сейчас главное – снизить температуру, хотя бы на два градуса.

Но скорая всё не приезжала. Диспетчер «неотложки» на наши повторные звонки хоть и без грубости, но настоятельно советовала «вызывать такси и добираться до больницы самим,

так как из-за эпидемии все машины на вызовах, когда освободиться хоть какая-то из дежурных бригад неизвестно».

От многочасового жара и усталости я уже не могла ни стоять, ни лежать. Как назло мама приехать не могла. Илюшка тоже «затемпературил» и весь ужас происходящего обрушился на вернувшегося мужа. Ни двойная доза «Нурофена», ни растирания жар не снимали. Тогда муж взял Егорку на руки и начал ходить по комнате, бормоча что-то невнятное. Через минуту у Егора прошли судорожные подёргивания, а ещё минут через пять он погрузился в спокойный сон. На градуснике ртутный шарик не поднялся выше 37. Теперь муж взялся за меня. Сделал несколько движений ладонями над больной грудью и некоторое время, едва касаясь пальцами, трогал где-то между лопатками и поясницу. Я почти сразу отключилась, а, когда пришла в себя, то сразу почувствовала, что жар спал и болезненные комки лактостаза полностью исчезли.

Выяснить «как и что» я не успела. Скорая всё же приехала и без лишних разговоров увезла нас с Егором в дежурную больницу, где мы были помещены в реанимационное отделение. Педиатр подтвердила диагноз – «двусторонне воспаление лёгких». И на мои вопросы пояснила, что у грудничков инфекционные заболевания могут вызывать быстрое развитие болезни, иногда молниеносное, так как у них ещё нет достаточного иммунитета. Но в реанимации мы пролежали недолго. Состояние Егорки быстро улучшалось и через две недели нас выписали под наблюдение участкового врача.

За время пребывания в детском отделении у меня было время осмыслить происшедшее. В реанимацию, понятно, к нам не пускали даже мужа, так что разговор мы продолжили только по возвращению домой. В больнице доступа к интернету не было и я измучила себя сомнениями из-за домыслов и тревожных подозрений.

Муж для меня с самого первого знакомства был «Евгением Васильевичем», человеком с таинственным прошлыми и с удивительными способностями в настоящем, вызывавшими у меня жгучий интерес. Я ходила на его просветительские курсы по «практической психологии» и открывала для себя мир, в котором я живу, в буквальном смысле заново. В начале 2000-х царило смутное время из-за развала Советского Союза, в жизни моей семьи и в жизни «ново-рождённой» матушки России бушевали кризисы. Я ещё успела закончить институт Индустрии Моды, но работы по специальности не было и у меня тогда отсутствовали ясные перспективы «куда идти и чем заняться».

Курсов всякого рода экстрасенсов, психологов и эзотериков вроде Кашпиоровского, Чумака и Козлова было много и в каждом городе, и на «любой вкус». Я почему-то стала обращать внимание именно на их рекламу, так как считала, что не могу состояться в своей профессии из-за страха перед общением с людьми. В Москву меня не отпустили родители. Но, так сложилось, что именно в это время однокурсница позвала на презентацию некоего «Культурно-просветительского Проекта «Вече»», организованную в нашем городе. Я долго сомневалась, однако пошла и была совершенно очарована и людьми, которых встретила на презентации и её ведущим. Евгений Васильевич на каком-то очень простом и понятном мне языке рассказывал о вещах «сложных, запутанных и судьбоносных», что я не только начала посещать просветительские курсы, но и устроилась работать в одном из социальных подразделений Проекта. Мне казалось тогда, что я из своей природной замкнутости попала в круг необыкновенных людей, обладавших необыкновенными способностями, о знакомстве с которыми я даже не мечтала.

Каждый день я с каким-то детским восторгом приходила на новую работу. Чтобы быть рядом с Евгением Васильевичем и его партнёрами я была готова браться за любое дело. Всё мне было интересно: и получение новых знаний и какие-то необыкновенные перспективы в саморазвитии. Но как только в результате работы Проекта начали приходить деньги (даже не начали, а только наметились возможности их прихода), то в среде «необыкновенных людей» тут же начались разборки, выяснения, претензии... И всё, что было мне интересно в одночасье

превратилось в абсурд страстей – вроде телешоу «ДОМ 2», с отвратительными интригами, дележом имущества и взаимными обвинениями в совершении самых подлых поступков.

Сказать, что я была шокирована – это не сказать ничего. Я была обманута в самых светлых и искренних ожиданиях. «Кто угодно, но поступать ТАК! ТАКИЕ!!! люди не должны!» Тем более что со многими из них у меня сложились очень близкие и дружеские отношения, которых до этого никогда не было.

Я видела, как Евгений Васильевич болезненно переживал крушение своего Проекта. Он перестал выходить на работу, а потом вообще исчез. Я несколько дней выслушивала от его бывших сотрудников злобные комментарии по поводу исчезновения «ЕВ», но затем всё же решила разыскать его, невзирая на свою почтительную робость. Один из немногих «партнёров», кто устранился от возникших разборок и дразг, сообщил мне, что помог ему переехать на съёмную квартиру, где оставил «Василича» «в очень плохом состоянии здоровья».

Через час я стояла перед искомой дверью. На звонки мне никто не откликнулся. Но дверь оказалась незапертой. Евгения Васильевича я обнаружила в дальней комнате. Он лежал под несколькими одеялами. Вид у него был отрешённый, лицо бледное и его бил озноб. Я была очень напугана, но сообразила, что нужно вызывать скорую помощь. Евгений Васильевич слабым голосом, но категорично отказался. Лишь через час, когда у него начался надрывный кашель, я его уговорила обратиться «хотя бы к знакомым врачам». У одного из них поблизости находилась частная клиника.

Коллега Евгения Васильевича откликнулся на мой звонок и сразу приехал. Меня он выгнал из комнаты и я при осмотре не присутствовала. Но через десять минут, он вышел и сообщил, что у Евгения Васильевича инфаркт и уже начался отёк лёгких, необходимо срочно вызывать реанимацию.

– Не факт, что этого Гиппократ (эту кличку дали ЕВ в мединституте, он несколько лет на посвящении в студенты играл роль Гиппократ) успеют довести до кардиоцентра. От госпитализации Женька отказывается!!! Ты кто ему?! Жена? А-а, всё равно... Попробуй его уговорить. Ведь умрёт через пару часов. Я покамест в аптеку сгоняю...

Пока коллега ЕВ ходил в аптеку, я прорыдалась и вошла в комнату. Евгений Васильевич лежал с закрытыми глазами и с видимыми усилиями сдерживал болезненный кашель. Я не могла смотреть ему в лицо, но села рядом, взяла его холодную и влажную ладонь, и крепко её сжала.

– Вам нужно в больницу. Поедьте... пожалуйста... Я Вас очень прошу...

Я с трудом удерживалась от слёз. Евгений Васильевич открыл глаза и, морщась от боли, внятно сказал:

– Понимаешь сапожник без сапог это плохой сапожник. Грош мне цена, если я вам вещал о неограниченных возможностях человека, а сам не могу справиться с какой-то болячкой...

Коллега вернулся и сделал ему несколько инъекций и некоторое время наблюдал за происходящим. Он ещё несколько раз «взывал к совести» ЕВ, а потом махнул рукой:

– Ты сам то подумай, что я скажу Валерке (однокурсник ЕВ – патологоанатом областной больницы), когда привезу ему поутру твой скорбный прах?

Но Евгений Васильевич всякий раз безапелляционно заявлял:

– Вызовешь скорую – я от госпитализации откажусь... Ты забыл, что в вопросах кардиологии я разбираюсь чуток получше... И не переживай, если что, тебя здесь вообще не было! Так что твоя совесть чиста и ... Иди умой руки – от здоровья помогает...

Коллега ЕВ некоторое время раздражённо ходил по квартире. Но после звонка его жены уехал домой, пообещав вернуться для «эксгумации тела из этого склепа для придурков».

До утра я не отходила от постели умирающего и... очень дорого мне человека. Он периодически впадал в забытье, а когда приходил в себе во время приступов кашля, то начинал хрипло дышать и что-то невнятно бормотать. Я тогда думала, что он бредит и хотела вопреки

его воле вызывать скорую. Но Евгений Васильевич так отказывался, что настаивать на своём я не осмеливалась.

Ближе к полночи я позвонила домой и сообщила маме, что «ночевать останусь у подружки по институту». Я впервые в жизни решилась нарушить строгий уклад моей семьи, но в моём голосе видимо отразилась безапелляционная решимость, что мама взялась «успокоить отца» и расспрашивать «как да что» не стала. Для меня это само по себе явилось чем-то сродни чуду «как» и то «что» вообще происходило со мной. Чувства!!! Целый поток чувств! Вроде как «непрощенных», неожиданных, изменяющих время и ощущение пространства. Я сидела в чужой квартире, среди мебели советских времён, среди заброшенности некогда жилых комнат и вот рядом угасала жизнь ЖИВОГО человека, который разбудил во мне неравнодушие и стал бесконечно дорог.

Ещё меня угнетало бессилие. А что я могла сделать?!! Как поддержать, чтобы не произошло страшное?! Держа в руках то сухую и горячую, то холодную и липкую от пота ладонь Евгения Васильевича, я переживала *неотделённость* от происходящего. Я как будто была полностью включена в неописуемый поток Живого. Это поток струился, начинал затухать и со слабым взбулькиванием вновь возникал в пространстве моих ощущений.

Я вспомнила как отец пытался завести свой старенький «Москвич». В поисках поздних грибов мы заехали в дебри нехоженого леса. До ночи отец провозился с мотором, но всё никак не хватало искры чтобы «ухватить ускользящий рокот мотора». Я ходила в круге слабого света фар и уже фантазировала как мы медленно замерзаем или погибаем от мучительного голода, как что-то в моторе вжикнуло и он знакомо затарахтел. И ещё капли дождя на стекле в свете фар встречных машин вблизи города. Дождь! Я услышала шум дождя за окнами и отёрнула шторы. Одиноким фонарь под окном высвечивал капельки осеннего дождя. Они одиноко прилипали к стеклу и потихонечку сливались в ручейки, утекавшие куда-то вниз – навстречу к старой потрескавшейся раме.

Позади себя я услышала тяжёлый вздох с пугающим клёкотом в горле и медленно вернулась в ожидании увидеть страшное... Евгений Васильевич лежал с закрытыми глазами, сомкнутые ладони он держал на груди и силился делать глубокие вдох и выдох.

Мне сначала показалось, но затем с каждым вдохом-выдохом с лица Евгения Васильевича начала уходить мертвенная бледность и маска сильного страдания. Через несколько минут «умирающий» снова забылся. Только забытьё уже не было пугающим. Я ещё мучилась сомнениями, так как «очевидное и желанное» питались моими бурными фантазиями. Но к утру хрипы из лёгких прекратились, жар спал, а забытьё перетекло в обычный сон.

Было что-то около 9 утра, когда на пороге квартиры появился злой и взъерошенный коллега Евгения Васильевича. Он недобро зыркнул на меня и с язвительным сарказмом спросил:

– Ну? Катафалк вызывать?

– Не знаю... Я варю бульон. Евгений Васильевич попросил сварить куриный бульон и приготовить много чая. Я у него тут травы кое какие нашла.

Не разуваясь коллега прошёл в комнату, где лежал Евгений Васильевич, и вскоре вернулся. Он тяжело сел на старый табурет и растёр лицо.

– Я, конечно, всякого видал, но... от Женьки ожидать можно этого всякого. Тот ещё кудесник.

Тогда я не поняла шутил этот человек или скрывал свой страх, но мне было не до чьих-то переживаний. Он был жив! Он был со мной! И это было главным!

Когда я вернулась на кухню. Коллега сидел над бумагами рецептов и что-то нервно писал.

– Вот! Выкупишь в аптеке. Через час поставишь ударную дозу антибиотиков. Хватит на трое суток. Потом повторишь. А это, – он кивнул на рецепты, – будешь давать по написанному. Если что – позвонишь. Телефон я вот тут на обоях черкнул. Мало ли... Вдруг этот чудик опять решит помирать...

Меня вдруг охватил приступ рыданий и я чуть не села мимо табурета.

– Щас-то чего, милая моя?! – «коллега» пожевал губами и «сделал строгое лицо», – «Боржоми» ещё не поздно пить. Ладно, пойду, у меня планёрка. Живите тут, размножайтесь...

Уже на пороге он обернулся и на прощание подмигнул:

– Павлины говоришь? Хе-е...

В следующие два месяца я неотлучно была рядом с Евгением Васильевичем. На второй день после инфаркта он встал с постели и, шатаясь, сам дошёл до туалета. А ещё через день Евгений Васильевич с моей помощью вышел на улицу. Его выздоровление было не быстрым, но оно было! Сначала мы едва доходили до заборов промзоны, но каждый день маршрут прогулок увеличивался. На прогулках мы молчали. Это меня сильно мучило. Но в один из вечеров, когда мы стояли на мосту через Транссиб, я перекрикивая грохот проходящего поезда спросила:

– И что дальше?

Евгений Васильевич усмехнулся:

– Будем жить... Теперь будем жить...

И уже, когда мы возвращались в «берлогу» (так ЕВ прозвал своё временное жильё), он добавил:

– Потихоньку-помаленьку разберёмся *кто есть ху и что за чем...*

Разбираться «кто есть ху и что за чем» меня вынудил категорический запрет отца на то, чтобы я встречалась с Евгением Васильевичем. Как выяснилось, «доброжелатели» из числа его бывших партнёров побывали у нас дома и в красках рассказали о «неприглядной деятельности секты», что создал аферист и обманщик. А тут ещё моя старшая сестра организовала бурную деятельность, чтобы вытащить меня из «цепких лап заезжего ловца невинных душ».

Вся эта возня была мерзким, отвратительным фарсом. Даже тех, кого я уже считала друзьями и необыкновенными людьми, устроили какой-то шабаш бесчестной глупости и, как сказал Евгений Васильевич, «опасного мракобесия и банальной алчности».

Для меня это стало поворотным выбором между привычными представлениями о жизни и тем, что я начала считать СВОИМ.

– Тоська, (так меня ЕВ начал называть в период моих метаний и сомнений) ты получила все основные знания Практического Мировоззрения и сама можешь научиться отделять зёрна от плевел. Вспомни, на наших встречах я предупреждал, что получаемые Знания неизбежно потребуют от каждого из участников Проекта своего бескомпромиссного соответствия Им. И не вини родителей, что они заняли «не ту сторону». Со временем и они разберутся. Важно, что ты сама сейчас для себя решишь!

В то время у меня было больше вопросов, чем я получала ответов от Евгения Васильевича. Он всякий раз ответы отправлял меня искать самой. Но среди вопросов, был один особенный: «Как удалось победить непобедимое?». Нет, в больнице, дело понятное, там инфаркты и другие смертельно опасные заболевания уже лечатся. Но именно в те дни моих разборок и попыток расставлять моё понимания мира по своим полочкам, у отца определили злокачественную опухоль надкостницы и он буквально за несколько недель умер в страшных мучениях, так и не помирившись со мной.

– А его можно было спасти?

Евгений Васильевич долго мне не отвечал.

– Не знаю, Тоська. Не только природа рака, но и «банальная» простуда требует внимательного изучения. У каждого заболевшего свои причинно-следственные связи.

– Но как тебе удалось справиться с инфарктом? У тебя ведь инфаркт был?

– Был. Уже второй. После первого я его звоночка не расслышал.

– Второй!!?

– Ситуация повторилась. Всё те же «благие намерения» и не учитывание законов этого мира.

– Каких? Да расскажи же толком! Почему из тебя всё нужно тянуть клещами!?

Я сердилась не на шутку. Смерть отца я переживала очень тяжело. Да ещё мама впала в жуткую депрессию. Она озлобилась на всю медицину. На бездушие и безответственность врачей. Оставлять в таком состоянии я её не могла, но и как помочь ей преодолеть горе так же не знала.

– Не сердись... Если хочешь в чём-то разобраться, то задавай конкретные вопросы. Не перегружай себя лишней, ненужной информацией. Особенно сейчас, когда переживаешь горе и смятение чувств.

Евгений Васильевич помолчал и с каким-то глубинным вздохом продолжил:

– Вот ты рассказывала про мытарства твоей мамы, которая пыталась спасти своего мужа, твоего отца. Что диагностику провели изначально некачественно. Что обезболивающие не хотели выписывать, хотя и диагноз был официально поставлен. И что человек от боли сознание терял...

В первые годы своей врачебной практики я столкнулся именно с таким проявлением. Системным проявлением цеховой поруки и безответственности. Повсеместно! И в клинике, где я работал и, по рассказам моих однокурсников, в других больницах... По началу я попытался хотя бы на своём месте что-то исправить. Например – исходить в своей практике из принципа: лечить не болезнь, а человека. Но меня за «новшества» вызвали на ковёр. Пропесочили, поставили на вид. И, чтобы я не нёс отсебятины в рамках госучреждения, ещё и пригрозили увольнением, а то и лишением звания врача.

В общем *уко́нтрапу́нили* по полной. Заведующий отделением ко мне относился с симпатией, поэтому в доверительной беседе рассказал, что многие молодые врачи через это проходят. Он сам на первых порах пытался революцию устроить. Да его точно так же на место поставили. А на вопрос: «что же делать, ведь участвовать в происходящем – это прямое нарушение врачебной клятвы», – мой шеф посоветовал мне «не спешить» и, типа, «со временем сам разберёшься», «да и не всё так критично, посмотри, мол, в каком обществе живём – люди в основном потребители, давай им волшебные пилюли от болезней, а профилактикой по Семашко, голову им не морочьте» ...

Для меня это было потрясением. Направо пойдёшь – совесть потеряешь, налево – диплом врача. Я был человеком непьющим, у меня уже тогда семья была, ответственность перед ними. Но тут выпил так, что на обходе вынужден был прятать опухшее лицо под маской. После обхода ко мне подошла психолог с кафедры и увела к себе в кабинет. Она анализировала случай «быстрого излечения» больного ДЦП, которого я курировал.

Она заставила меня выпить какой-то отвар, до ужаса противный, однако минут через пятнадцать у меня прошла головная боль, проявления алкогольной интоксикации, а изо рта убежали кошки с их отвратным амбре.

– У Вас, Евгений, либо был выставлен неправильный диагноз, либо Вы сотворили чудо.

На мои возражения психолог хитро улыбнулась и заговорила заговорщическим шёпотом:

– У меня есть неопровержимые данные, что Вы использовали нетрадиционные методы лечения. Не беспокойтесь за свой почти белый халат. Я Вас не сдам.

– А Вы, Оленька, как это определили – по тесту Люшера?

Психолог приоткрыла верхний ящик своего стола и ответила всё тем же ёрническим шёпотом:

– Нееееет, Евгений, у меня в столе кроме диплома психолога лежит диплом потомственной ведьмы.

– Ага, я был уверен, что вас не всех сожгли на кострах инквизиции.

Неожиданно для себя я с каким-то сладострастным облегчением потянулся всем телом и даже муркнул как проснувшийся кот. Это само по себе было удивительно, позволить такую вольность мне бы не пришлось в голову даже дома. Психолог вдруг откинулась на стуле. Она вся

напряглась. И мне показалось, что волосы у неё встали дыбом, а из зеленоватых глаз брызнули искры.

– Ты хочешь меня убить?

Я испытал замешательство и мною овладело подозрение, что «наш клинический психолог не совсем психически здорова».

– Да что за ерунда-то?! Извините, конечно, за вольности...

Девушка мгновенно вернула себе прежний цивилизный облик и очень пристально на меня посмотрела.

– О-о, да ты у нас «чародейчик»!!!

Я не уверен, что правильно помню её ёрническую фразу. Сколько впоследствии не вспоминал как ведьмочка меня назвала, воспроизвести не могу: или «колдунчик», или «экстра-сенсик». Но почему-то это произвело на меня странное воздействие. Будто фантом некоего воспоминания, что это я слышал много раз, но в неких иных обстоятельствах, или вообще в другой жизни. Да ерунда какая-то!!! Но моё тело сотряслось от внутренней судороги. Я озадачено уставился на психолога и не сразу услышал о чём она мне говорит:

– Ты со своими способностями поосторожней, а то в некоторых кругах тебя могут понять буквально... Так что ты сделал со своим пациентом?

На минуту я превратился в школьника у доски и начал оправдываться:

– Да он на стандартном лечении уже с детства мыкается. Мать его у меня в ординаторской вся урелась. Ну я и пообещал, что мы что-нибудь придумаем...

– Так что придумал?

– По методикам Джуны попробовал провести несколько сеансов.

Психолог вздёрнула бровки:

– Ого. Ты хотя бы эту мать попросил, чтобы она молчала в случае чего.

Я начал приходить в себя:

– Да конечно! Что ж ты... Вы меня совсем за дурака держите?

Психолог задумчиво побарабанила ноготками по кромке стола.

– Ну-ну... А методику где взял?

– Сашка (мой коллега, вместе со мной проходил интернатуру и клиническую практику, мне было известно, что он неровно дышит к нашему психологу) где-то книгу купил. Носился с ней как с премией от Минздрава.

– А-а, так это Сашенька решил заняться твоим просвещением! С чего бы это?

Она махнула рукой и на её лице появилась ироничная улыбочка:

– Ты хоть знаешь, что такое карма? Или астральный синтез? – она махнула рукой, – Ладно это потом. После работы где мы можем встретиться?

Я предложил встретиться у меня. Жена с дочерью уехали к родителям в Нижнекамск и все «холостяки» с кафедры уже два дня собирались в моей квартире, а ведьмочке об этом наверняка было известно.

– Сашеньке я сама скажу.

У меня дома они появились поздно вечером. Саша поставил на стол диковинную бутылку импортного ликера, а Оленька выложила стопку обычных школьных тетрадей, при виде которых меня охватил нервный трепет. Психологиня вынула из пачки нижнюю тетрадь.

– Вот прочти здесь. А дальше посмотрим.

Пока мои гости с шумом предавались флирту друг с другом я углубился в чтение. Это были некие выдержки и отдельные цитаты малознакомых и вовсе незнакомых мне авторов. Одна из них меня буквально потрясла:

«Вспоминать себя невозможно: и люди не вспоминают себя, потому что хотят жить только умом. Но запас внимания в уме, подобно электрическому заряду батареи, весьма невелик. Другие части тела тоже не хотят вспоминать.»

Может быть, вы помните, как вам говорили, что человек похож на упряжку, состоящую из ездока, возницы, лошади и повозки. Исключим ездока, не будем о нем говорить: его сейчас нет. Давайте поговорим о вознице. Наш ум и есть этот возница.

Ум хочет что-то сделать; он ставит себе задачу: работать по-иному, не так, как раньше, ставит задачу вспоминать себя. Все наши интересы, относящиеся к изменению себя, к созданию перемены в себе, принадлежат вознице; иными словами, это лишь умственные цели.

Что же касается чувства и тела, то эти части ни в малейшей степени не заинтересованы во вспоминании себя. Однако главное состоит в том, чтобы создать перемену не в уме, а именно в этих, не заинтересованных в ней частях. Ум может измениться очень легко. Но достижение осуществляется не посредством ума; осуществленное через ум, оно никуда не годится.

Поэтому нужно учить и учиться не посредством ума, а через чувства и тело. Но у чувств и тела нет языка; они не обладают ни языком, ни пониманием, которыми обладаем мы. Они не понимают ни русского, ни английского; лошадь не понимает языка возницы, а повозка не понимает языка лошади. Если возница скажет по-английски: «Направо!», – ничего не произойдет. Лошадь понимает язык возжжей и свернет направо, только повинаясь возжжам. Другая лошадь повернет без возжжей, если вы почесаете ее в определенном месте; этому, например, обучены ослы в Персии. То же самое с повозкой; у неё свое устройство. Если оглобли поворачивают направо, задние колеса повернут налево. Это потому, что повозка понимает только это движение и реагирует на него по-своему. Так что вознице необходимо узнать слабые стороны повозки, её особенности; только тогда он сможет вести её в желаемом направлении. Если же он будет просто сидеть на козлах и командовать на своем языке: «Направо! Налево!», упряжка не сдвинется с места, даже если он прокричит целый год.

Мы представляем собой точную копию такой упряжки. Один ум нельзя назвать человеком, как нельзя сидящего в трактире возницу назвать возницей, выполняющим свои функции. Наш ум похож на кучера, который сидит дома или в трактире и развозит пассажиров только в своих мечтах. Как нереальны его поездки, так же никуда не приведут и попытки работать с одним умом. В этом случае мы станем лишь профессионалами, безумцами».

Как я выяснил позже это была выдержка из лекции Гурджиева. Но тогда я этого не знал. Я сидел и отрешённо смотрел перед собой, а моя гостя испытующе пристально смотрела на меня.

– Дайка сюда.

Ведьмочка забрала у меня тетрадь.

– Вот послушайте... вы оба!!! Сашенька, руки убери, а то уйду и кина не будет...

Ольга сколько-то времени зачитывала информацию. Из неё мне запомнились лишь отдельные отрывки. Что-то про пробуждение. Что про человека как набор шаблонных нейрофизиологических и ментальных программ, которые сменяют друг друга, включают столь же отмеренные шаблоны эмоциональных проявлений. Человек, по сути, спит. Он действует как запрограммированная машина, лишая себя полноценного мироощущения и собственных свершений...

Мне показалось что я заснул или отключился. В общение меня вернул голос Саши:

– Это всё бихевиоризм чистой воды! Женька, ты что на лекциях Костецкого в таком же трансе находился?

Я поднял глаза и встретился с испытующим взглядом ведьмочки. Она некоторое время меня изучала, а затем удовлетворённо хмыкнула и забрала тетрадь.

– Ну, ладно, *остальное* дальше вкусишь, если себя не испугаешься...

В последующие дни я пользовался каждой возможностью чтобы встречаться с Ольгой в её кабинете. У меня появилось множество вопросов и я как губка жадно впитывал всю инфор-

манию, что удавалось от неё получить. В один из зимних дней она вошла в ординаторскую и громко хлопнула по столу папками.

– Ты слышал, что профессор Дорогин набирает группу для экспедиции на Средний Урал? Я покачал головой.

– Ну да?! Сашенька тебе, конечно, не сказал. Вот жук! Дорогин сейчас в Алапаевске. Быстро собирайся и дуй к нему.

Я недоумённо нахмурился.

– Знаки, знаки, Женечка. Учись читать путеводные знаки. Помнишь – зов даётся лишь один раз.

Мне странным образом удалось посередине недели оформить отгулы и уже ночью в поезде до Свердловска я с ужасом понял, что еду «в никуда», что я по странной доверчивости к выходкам «истероидной особы» оказался в потоке совершенно дурацкой авантюры.

Я почему тебе так подробно рассказываю именно про этот период моей жизни, так как момент пробуждения у каждого человека является поворотным, судьбоносным и очень зыбким. Пребывая в своей жизни как во сне, человек не ещё может выбирать сам. Он заложник тех самых шаблонных программ и установок, что жёстко удерживают его в замкнутом круге привычного уклада: украл, выпил в тюрьму, украл, выпил – в тюрьму...

Сидя в полупустом, холодном, пропитанном унылой бесприютностью зале автовокзала я твёрдо решил не ехать ни в какой Алапаевск, а на первом же поезде возвращаться обратно. Здоровенный мужик в рваном полушубке, обложившись грязными баулами, громко и с каким-то упоением храпел.

– Слышь, мил человек, а купико ты у меня сигареток в дорогу дальнюю.

Я поднял голову и увидел рядом с собой плюгавого старичка. От его облика веяло глубокой, неизбывной провинциальностью. До сих пор не могу вспомнить его лица. Только жидкую бородёнку.

– Я не курю!

Ответил я грубо и поднялся чтобы идти обратно на вокзал.

– Эт правильно, мил человек. Может тогда «Шипру» купишь... ещё по старой цене. И запах бодрящий, на скус крепонькой и заразу на раз убиват?

Я чуть ли не обматерил горе-коммерсанта.

– Тогда хоть спичек купи. Таких нынче не мастырят. Эти и в мокроте горят.

Дедок выудил из матерчатой сумы коробок и сунул мне его под нос.

– Чирик всево-то. Токмо не бумажный. Железку давай.

Чтобы отделаться от дальнейших приставаний, я сунул торговцу монету в жилистую ладошку и торопливо запрятал коробок во внутренний карман лётного полушубка и торопливо направился к выходу. Дедок вдруг хрюкнул что-то неразборчивое мне в спину и будто ввинтил мне в уши звуковой шуруп:

– А до Алапаевска автобус на второй платформе. Как доедешь, шкандыбач к Напольной школе. Там тебя Алексей Борисыч уже дожидатся.

Турникетная дверь туго прокрутилась за мной несколько раз и оставила один на один с морозной стеной рассветного воздуха, с завесой шума просыпающего мегаполиса и с грузом недоумения. Конечно я тут же вернулся, но старичок исчез. Маршрутный автобус до Алапаевска действительно стоял на второй платформе и горластая контролёрша торопила опаздывающих пассажиров занимать свои места.

В последствии я всегда удивлялся «странной» и всегда яркой особенности отклика Мироздания на столь же «странную» до «пугающей необъяснимости» попытку человека пробудиться к Его Действительности.

Когда меня трясло на ухабах завьюженной дороги, свой «пробуждающий толчок», свою попытку «пробудиться», я воспринимал как прыжок в тамбур последнего вагона, когда за мной

с лязгом захлопывается невидимая дверь, спасая от неумолимого движения монолита убаюкивающей повседневности.

«Напольную школу» я нашёл без труда. За её входными дверьми сухонькая вахтёрша зыркнула на меня из под сбившегося платка и ткнула куда-то в сторону боковой лестницы холла.

– В экспедицию? Проходите в кабинет труда. Тама ваши собираются.

В кабинете труда между верстаков громоздились груды тюков в брезентовых чехлах и рюкзаки. Несколько парней перетаскивали маркированные коробки к выходу и грузили их в машину. Возле учительской доски стояли двое. В одном из них я узнал преподавателя с кафедры социальной гигиены Сергея Ивановича Полежаева. Он энергично помахал мне рукой.

– Вы от Бельского? Ну вот, Алексей Борисович, теперь полный набор. Можно отправляться.

Профессора Дорогина я видел впервые и немного оробел из-за полного непонимания ни своего места в его экспедиции и отсутствия рекомендаций для своего участия.

– Проходи, Женья, проходи. Сейчас «Буханка» подъедет и вперёд.

Я вопросительно воззрился на руководителей. Но мой знакомый только махнул рукой.

– В дороге, в дороге переговорим. И так уже на два часа опаздываем. Вертолёт ждать не будет.

Я устроился на изодранном в клочья сиденье и, прислонясь к большому тюку, неотрывно думал о старике с автовокзала. Не слишком ли много «странных» совпадений: Ольгины предсказания, потоки информации, переворачивающей все привычные представления о мире, неожиданное участие в экспедиции, о которой ещё трое суток назад знать-не знал. И этот чудной дедок...

«А ты не чай, не чай, милай! Есть вопросыики, будут и матросики. «Шипру» то зря не купил. Терь бы сгодился».

Голос старика так явственно прозвучал у меня в ушах, что я стал энергично оглядываться.

– Ты кого потерял, Женья?

Я встретился с вопрошающим взглядом Сергея Ивановича. Перекрикивая шум мотора, я попытался что-то ему ответить.

– Ты иди сюда. Нам ещё порядком ехать.

Я кое-как перебрался к сиденьям руководителей.

– Не могу понять, Сергей Иванович!!! Приехал к вам словно ком с горы, а меня как будто ждали. Я ведь ничего не планировал!!! Всё как-то чудно складывается. Ещё этот «чудной» старик на автовокзале... Я ведь хотел возвращаться с полпути. Уверенности что вас найду не было...

– С полпути?.. А что за старик?

– Да какой-то малахольный. Сигареты предлагал, одеколон, а потом взял и послал меня сюда, словно был в курсе экспедиции. Да и моей нерешительности тоже.

Оба руководителя переглянулись. Сергей Иванович пристально посмотрел на меня, вроде как нахохлился и забавно развёл брови. Затем наклонился к Дорогину, и я с трудом, но расслышал его комментарий:

– Наш, наш человек. Маркер Ориона.

Дорогин к моему удивлению понимающе кивнул.

– Женья, «чудного» теперь в твоей жизни будет много. Про старика ты зря голову не ломай. Урал это край офеней и их сакральных троп. Скоро на многие свои вопросы ты сам ответишь. Приедем на точку поговорим подробнее. Ты вот что покамест обдумай: Вадим Скороходов с кафедры кардиологии не смог приехать. Так что тебе придётся взять на себя, кроме

психологического тестирования, эксперименты по психосоматике. Все необходимые лабораторные материалы мы упаковали. Ты ведь ученик Абрамова?..

Я кивнул.

– Ну вот... Заодно расскажешь почему переметнулся из кардиологов в стан «несуществующих» профессий.

Сергей Иванович подбадривающе улыбнулся и продолжил свою беседу с Дорогиным. Перебираясь на своё место, я зацепился ладонью об острый край застёжки большого баула и сильно поранился. Сунул в свою сумку за аптечкой и тут вспомнил, что в спешке забыл её в ванной. Жена «на всякий случай» хотела положить в аптечку свои гигиенические салфетки вместо ваты да, как обычно, начала делать несколько дел одновременно, про аптечку забыла, а я передоверился и не уследил. Кровь «почему-то!» не спешила свёртываться. «Как назло» носовой платок был где-то глубоко в кармане. С силой сжимая пораненную ладонь, я огляделся, но ничего подходящего для остановки крови и дезинфекции раны не увидел.

«Опять этот старик!!! Блин, так вот про какой «Шипр» он мне говорил! Телепаты хреновы!».

Мне показалось, что надо мной кто-то склонился. Поднял голову и увидел Сергея Ивановича. Тот прищурился, оглядывая мою рану.

– Дайка руку сюда.

Я почувствовал его горячую ладонь. Он несколько раз сжал мне запястье и, вроде как, протяжно присвистнул.

– Всё. Кровь остановилась. Теперь поспи, если сможешь. В вертолёте с непривычки мало кто может заснуть.

Я поднёс окровавленную ладонь к глазам. Довольно глубокая ранка затянулась белёсой плёнкой, под которой едва ощутимо пульсировал только что повреждённый сосудик. Мою спину пронизало волной безотчётного страха, но вида я не подал.

«Куда это я попал?!»

Мой ум с поспешностью вшивого в предбаннике пытался найти хоть какое-то правдоподобное объяснение происшедшего. Однако *привычная картина мира* словно замерла в предчувствии «своей жуткой катастрофы». Откуда-то из живота прошла волна возбуждения. Ноги включились на совершение прыжка. В голове начал раскручиваться план, как на полном ходу сигануть из автомобиля. В тоже время меня охватило оцепенение обморочного бездействия. Мой взгляд не мог осмысленно ни за что зацепиться. Паника!!! Только закричать во всё горло!

Но вместо постыдного проявления панического малодушия, я обнаружил, что меня кто-то настойчиво толкает в бок. Я ошарашенно принялся оглядываться. В распахнутые двери «Буханки» врвался грохот вертолётного двигателя и морозный ветер. «Я что спал?!».

– Приехали. Выгружайся.

Как мы добрались до вахтового посёлка я помню плохо, хотя заснуть уже не смог. В моей памяти так же не сохранилось целостной картины последующих дней работы. А работать мне пришлось в прямом смысле за двоих. Только яркие куски чувственных переживаний, вроде реакции на проведение «психологических тестов из 555 заумных вопросов». Малограмотные вахтовики и оленеводы начинали засыпать уже между 15-м и 20-м пунктом и, чтобы собрать их ответы «на отвязись», мне приходилось совершать чудеса коммуникации. Я посылая волны своего возмущения в адрес составителей «дурацкого опросника» и лишь отчасти находил отдохновение в знакомом мне измерении данных «деятельности сердечно сосудистой системы». В конце дня сил хватало только для того, чтобы добраться до постели и чтобы утром просыпаться в ещё не протопленной комнате вагончика.

Под вечер пятого дня работы меня вызвал к себе профессор Дорогин. Я застал его в обществе Сергея Ивановича.

– Как твои успехи, Евгений?

– Не успеваю систематизировать данные. Был бы лаборант... Покамест я всё в кучу складую. Не знаю успею ли я до отъезда хоть что-то упорядочить...

Сергей Иванович кивнул.

– Не беспокойся, Женя. В НИИ Краевой Патологии разберутся. Там все специалисты проходили через точно такую же полевую работу. Ты лучше расскажи откуда твой интерес к экстрасенсорике?

Такого вопроса я совершенно не ожидал, поэтому волнуясь и постоянно теряя последовательность в изложении, принялся рассказывать о своих занятиях астрономией в детстве, об обретении своего призвания врача, о мытарствах в поисках «новых методов лечения», о «киевском дядьке и о бузине» ...

– Да ты не переживай так, – успокоил меня Сергей Иванович.

Он наклонился к Дорогину и вполголоса проговорил:

– Всё-таки – *нагваль*. Трёх лепестковая структура. Редкость, конечно, исключительная... Биополе меняется в зависимости от ситуации.

Профессор Дорогин не сводил с меня пристального взгляда.

– А что за старика, Евгений, Вы встретили на автовокзале?

Я пожал плечами.

– Сам хотел спросить у Вас. Откуда то он про экспедицию знал и хотел, чтобы я в неё непременно попал...

– «Хотел», – Сергей Иванович рассмеялся, – Да нет, Женя, это он твоё «хотел» помог тебе обозначить, чтобы ты со *своей тропы* не сошёл.

– Да кто это был то? Колдун?

– Офени бывают, конечно, колдунами, но точнее всё-таки знахарями. Ты что-нибудь про офеней слышал?

Я помотал головой. Сергей Иванович вздохнул:

– Ну это отдельный разговор. У офеней свои линии предназначения, кто скоморошествует, кто коммерцией занимается, кто в скитах обитает, но все они хранители бесценных знаний древней культуры славянских, да и не только славянских народов. Этот старик тебе что-то дал? Амулетик? Оберег?

Я вскинулся:

– Да! Коробок спичек! Но только почему-то непременно, чтобы я ему оплатил не банкнотой, а монетой. Я сейчас коробок принесу!

Сергей Иванович и Дорогин переглянулись.

– Да стой ты! Этого не нужно. Он тебя этим обменом *пометил* что ли. Передал тебе что-то вроде *информационного портала*. Точнее – рацию для связи. Ты уже слышал его голос?

Я кивнул.

– Подумал, что у меня бред начинается.

Сергей Иванович покачал головой.

– Не бред. Иногда офени избирают из числа наиболее восприимчивых людей тех, кому передают свою *линию знаний*. Верней, доступ к этим знаниям, – тут Сергей Иванович нахмурился и сам себя прервал: – Ну с этим потОм разберёмся, а пока пригласи сюда Казанцева. Он в коридоре ждёт. А коробочек-то сохрани. Не теряй.

Сергей Иванович повернулся к Дорогину:

– Ну что? К Протасову?

Дорогин согласно кивнул.

– С переводом не затягивайте. Он обещался через месяц быть в Москве.

Сергей Иванович прервал мои расспросы.

– Вот что, Женя, если у тебя намерение «овладеть передовыми методами лечения людей» не ослабло, то мы приглашаем тебя работать в научно-исследовательском институте Биоэнергетики. У тебя, когда защита диссертации намечена?

– Через год... А как же?

– Не беспокойся за перевод. Мы с вашим главврачом за одной партой сидели, так что договоримся. А вот про диссертацию придётся позабыть. По крайней мере на время твоего переобучения. Если засомневаешься, то зайди в туалет нашей медицинской библиотеки и посмотри чем там попу вытирают. Тема-то у тебя кстати какая?

– Психологические особенности посттравматического синдрома после ампутации конечностей.

Сергей Иванович хмыкнул:

– Ну вот, тебе и карты в руки – куда самому рулить?

Я сидел и ощущал себя рыбой, оставленной отхлынувшей волной на берегу.

– Завтра к вечеру собери все материалы. Будем подводить предварительные итоги экспедиции. А послезавтра за нами прилетит борт.

Всё, что со мной произошло дальше, напоминало поговорку: заснул в одном мире – проснулся в другом. Мой перевод из клиники областной больницы в одно из предприятий профессора Дорогина произошёл без лишних формальностей. И, хотя я числился в штате кафедры медицинской психологии, но фактически работал младшим научным сотрудником лаборатории «по разработке биоэнергетических аппаратов двойного назначения». Я даже нарушил традицию и не успел «проставиться» своим коллегам – утром подписал обходной, а вечером уже входил в «предбанник» своего нового шефа на «Маяковке» – Михаила Пушилина, «Мишани» (так его называли все без исключения сотрудники лаборатории за доброту и «совершенно немосковскую отзывчивость») ...

Полежаев знал, как быстро и эффективно провести ликбез моих познаний в области такой «чисто экспериментальной» как *эниология*. То, что в народе окрестили экстрасенсорикой, на научном аргю – это *эниология*, т.е. наука, изучающая процессы энергоинформационного обмена.

О-о, сколько соблазнов возникает у неопита *эниологии*, когда он узнаёт, КАК на самом деле устроен человек, КАКОЕ место он занимает в структурах мироздания, КАК можно использовать законы, по которым рождается, живёт и трансформируется материя!!!

Большинство неопитов останавливается на первых же шагах изучения устройства мира. Кто-то узнаёт про нирвану, про обретение полного просветления и устремляется на поиски Шамбалы или Белогорья. Кто-то, ухватив ветры *силы*, начинает махать вёслами на ниве целеительства, иногда в искреннем желании излечить всё до этого неизлечимое, но чаще, с жадностью голодного человека, становится заложником слепой утробы, и начинает «махать волшебными руками», «пышет лазерами из третьего глаза», чтобы безостановочно набивать свою мощну, наживаясь на человеческом невежестве. Однако сильнее всего спотыкаются бедолаги, кто погружается в сладостный мир грёз о бессмертии. Пушилин эту категорию назвал «чароёдами». Эти всю свою жизнь превращают в гонку за магическим всевластием, за овладением алхимией вещества и за магической трансформацией своего неразумного существа.

Разобраться «что к чему», особенно на первых шагах пробужденности, очень трудно. Пушилин же и здесь с горькой иронией повторял слоган Козьмы Пруткова: «Зри в корень!».

– Запомните, Евгений, (ко всем Мишани обращался только на Вы) какими бы яркими не были картинки «зазывал» в трясины «причинения добра», за их фасадом всегда стоит «мракобесие и её неизбежные порождения – шкурный страх за свою личную безопасность и алчность.

Когда я начал знакомиться с деятельностью лаборатории, то сразу понял, что «попал не туда». Сотрудники выполняли государственные и частные заказы по разработке и изготовлению техники «инженерного назначения». Пушилин определил меня в группу, которая изоб-

ретала аппарат для «предупреждения и диагностики аварийных ситуаций на городских коммуникациях».

Посмотрел я на «производственный процесс», послушал разговоры сотрудников и побежал разыскивать в коридорах Мишаню.

– Яжевращ!!! У меня инженерного мышления хватает только на то, чтобы детскую игрушку починить или гардину повесить ...

Мишаня оторвался от процесса «тонкой пайки» и оглядел меня сочувственным взглядом.

– Ты уже слышал, как в народе называют нашу контору?... НИИЧаВо! Научно исследовательский институт чародейства и волшебства! Вооот! Полежаев наобум назначений не делает. Он *знает* (Мишаня акцентировал слово *знает*) ЧТО куда втекает и ОТКУДА этому вытекать. Так что идите и учитесь в том раскладе, где оказались. Будь Вы сейчас хоть трижды инженером или четырежды врачом – без бутылки в хитростях «электросенсорики» не разберётесь...

– Мишаня вздохнул, – Я про бутылку метафорически. У нас сухой закон. Для начала «снаряды подносите». И на полевые испытания будете выезжать вместе со всеми. А, если будете фило- нить, то лишу премиальных! А премиальные у нас ого-го-го какие! И на «халат с перламутро- выми пуговицами» хватит и детишкам на «петушки на палочках» останется. Детьми то уже обзавелись?

Я кивнул.

– Дочь.

– Ну вот и хорошо, а то с нашими производственными вредностями Вам, Евгений, будет не до производства детей.

– У вас что – радиация?

Мишаня нахмурился. И, уже вновь склонившись над электронной платой, сурово про- бурчал:

– А у вас?... Теперь это и Ваше тоже!!! Идите работать!

В свой подвальный закуток я вернулся в смешанных чувствах. Чувства мои смешались в раздражительное клокотание и грозили неконтролируемым взрывом.

Рядом с моим рабочим столом, больше схожим с верстаком автомеханика, располагались «плакаты для медитаций» двух великовозрастных техников. Они сочувственно посматри- вали в мою сторону, а когда заметили, что я начал от «усердия» в работе «клевать носом», увели в буфетную. За стаканом чая техники принялись меня просвещать.

– Если услышишь историю про Мишаню, как он попал в НИИЧаВо, то не верь, что у него способности открылись после удара молнией. Это красивое враньё. Мишаню, если и ударяла молния, то в лице его благоверной супруги – скалкой по кумполу. Мишаня грешит «чрезмер- ным употреблением «Портвейна»» и по пьяне регулярно лезет голыми руками к оголённым проводам. Он никак не может договориться о своей судьбой, чтобы и овцы были целы и волки сыты. Вот и устраивает себе хронический суицид. А это по твоей психиатрической части.

– Способности? У Мишани способности?

Я заинтересованно оглядел техников.

– Ага. Ты пей чай-то, пей. Да с сахарком в прикуску. Мозги тебе в ближайшем будущем ох как понадобятся. Мишаню после очередного кризиса, ну то есть запоя, долбануло на рабочем месте током так, что, если обратил внимание, то у него следы ожогов на ладонях. Про Хроники Акаши слышал?

Я неопределённо повёл плечами.

– Ага, не слышал. Это, брат, такая сфера в мироздании, где храниться вся информация о том, что сверху до самого низа. Что то вроде *базового сервера* для обслуживания всех уров- ней Абсолюта. Ты, ежели к нему подключаешься, то можешь получать ответы на любой свой вопрос.

Я изобразил на лице маску недоверия:

– Мишаня – всевидящий? Что-то я не заметил...

– И не заметишь. Мишаня действительно стал после ударом тока «не в себе», но с ограниченным доступом к Хроникам Акаши. Подробности он тебе сам расскажет... Как-нибудь – за нарушением *сухого закона*. Однако факт есть факт – Мишаня способен создавать и воплощать голографические картины электроники любого назначения. Я вот с электротехникой «на ты», да и Димка (техник показал на коллегу) все первые схемы для высотомеров создавал, но Мишаня – гений в области прикладной и теоретической электроники и чародей от кибернетики.

Оба техника засмеялись. Вдруг Дима замер.

– О, Ватрузь, (фамилия моего второго собеседника) меня осенило как сделать нашу коробочку презентабельной! Соорудим звуковой зуммер и скоординируем его со сканером. Высота звукового сигнала будет напрямую зависеть от объёма считываемой информации. А?

Ватрузь с неподдельным одобрением воззрится на Дмитрия:

– Точно, Димон! Назовём зуммер – «голос космоса»! Я ему такую частотную развёртку заварганю, что заказчик «кипятком описается» от восторга.

Оба техника, забыв про меня, немедленно исчезли в коридорных катакомбах лаборатории. Вечером Пушилин сжалился над моей маятой.

– Вот что, Евгений, пока у Вас с жильём не определилось, поехали ко мне. До выходных перекантуетесь, а там наше начальство подсуетится. У меня, конечно, не курорт, но на дорогу время зря не потратим – буду вводить в курс дела. Сориентирую, что ли, в делах наших скорбных...

До жилья Михаила мы добирались сначала на метро до конечной, затем на рейсовом автобусе часа полтора, а, когда вышли на нужной остановке, оставалось пешком пересечь лесопарк, это ещё минут 20-ть.

– И что? Так каждый день!?

– Ну да. Сие по московским меркам, сударь мой, весьма неплохо. Тем более, что в дороге я успеваю сделать массу полезного.

Мы, действительно, по дороге успели обсудить «массу полезного» и крайне необходимого для меня. Перекрикивая шум метрополитена, Пушилин наклонился ко мне:

– Запомните, Евгений, Ваше обучение сейчас будет проходить не по учебникам. Нет пока учебников по *эниологии*! А доступные книги, содержащие сакральные знания, вроде Корана или Библии, требуют для своего прочтения специфических понятийных ключей. Ваши университеты это общение с сотрудниками нашего НИИ. У них есть чему поучиться. Так как все они в институте оказались благодаря каким-то способностям.

– Как Вы?

Пушилин усмехнулся.

– А что я?

– Ну Вы же вроде как имеете доступ к Хроникам Акаши?

– А-а, это Вас уже *Двое из Ларца* просвещать начали.

– Это ...

– Это такое прозвище дали Николаю Ватрузю и Дмитрию Иванову. Совершенно «несистемные работники». Ну, то есть, ни в одном из государственных институтов они не задерживались. Отовсюду их увольняют за систематическое нарушение трудовой дисциплины. Работают через пень колоду... Но зато КАК они могут работать! У них мозги заточены на нестандартное исполнение заказа. Днями могут шлаться – воздух пинать, а в итоге выдают на гора технический шедевр. Мы вот к сдаче готовим большой заказ для Москвы и Московской области.

– А-а, прибор для «предупреждения и диагностики аварийных ситуаций на городских коммуникациях»?

– Нуда, типа, этого. Вы хоть представляете какую экономию для народного хозяйства такой аппарат принесёт?! – Пушилин энергично махнул рукой, чем испугал сидящую напротив девушку, – Да что экономия? Мы же разработали принципиальную схему считывания любого типа информации. Вы хоть понимаете, что это даёт для НТР? Это даже не революция, это эволюционный скачок! – Пушилин с сожалением посмотрел на меня, – Э-э-эх! За две недели разработали схему и вот уже второй месяц бьёмся над решением упаковки.

– Упаковки?

Пушилин саркастически улыбнулся.

– Научены горьким опытом. Маркетинг, итти его! Раньше приносим для демонстрации заказчику что-нибудь вроде воплощённого «Поди туда – не знаю куда и сделай то – не знаю, что», а они смотрят на фанерные панели и торчащие микросхемы и морщатся. Упаковку им давай по западному образцу, да ещё с буквочками по англицки и фирменным лейблом.

Я понимающе кивнул, но меня снедало детское любопытство.

– Так что про Хроники Акаши?

Мне показалось, что Пушилин захотел подпрыгнуть и уйти от меня подальше. Он некоторое время молчал, неподвижно созерцая мелькающие огни перегона метро.

– Что Хроники? Шибануло меня молнией, – Пушилин показал себе на затылок, – я и начал, на свою беду, видеть то, чего видеть совсем не нужно.

Он бросил на меня испытующий взгляд.

– Вы, Евгений, не повторяйте ошибок Ваших предшественников. За каждую сиддху мироздание берёт свою цену.

– Сиддху?

Пушилин хмуро посмотрел на меня.

– А-а, Вы ещё и в терминологии не ориентируетесь? Сиддха – это что то вроде полученного урока, навыка не «всегда обычной способности» ... Вы с физикой, как с наукой, как – дружите?

– Да, вроде как, да. Не стань я врачом, скорее всего пошёл бы по стезе теоретической физики.

Пушилин одобрительно хмыкнул (или мне так показалось).

– Мы с Вами живём в материальном мире и любое событие, процесс разворачивается в нём как ПОЛЕ. Вы чего-то захотели воплотить – возникает некое поле. Поначалу бесформенное, но по мере того, как Вы уделяете внимание своему интересу, это Поле обретает очертания, форму, структурируется. Вот Вы сейчас входите в курс дела, осваиваетесь на новом месте...

– Как геолог в глухой тайге...

– Вот-вот, сначала общие очертания, как устроен институт, кто в нём работает, затем КАК он работает, знакомитесь с людьми, понятней становится своё место в общей структуре...

– Позиционируюсь!

– Ага, структурируется Поле и вместе с ним структурируетесь Вы сами. Процесс всегда двусторонний.

– А какую ошибку мне не совершать?

Пушилин облегчённо выдохнул.

– Ну вот, уже зрите в корень. Это отратно. Не идите, Евгений, по пути наименьшего сопротивления. Вы же не электрический ток, а человек! Вам не столько информацией о всяких потусторонностях нужно насыщать свой воспалённый любопытством мозг, а овладевать качеством *Разумения*. Иначе неизбежно пополните ряды придурков и идиотов, коими наш институт и так переполнен.

– Придурками? Вы же говорили, что в институте *все* со способностями?

Меня охватило тревожное удивление. «Добрейшей души человек» говорил о своих сотрудниках с безапелляционным сарказмом и уничижительно.

– Ага. Приходит какой-нибудь невежда с открытым третьим глазом или там она предметы двигает взглядом на расстоянии, а сами как были пещерными дикарями, так и махают вёслами по жизни, полагая себя венцом творения – уже окончательным в своём совершенстве. НИИЧаВо – это серпентарий из конченных мерзавцев и опасных идиотов, – Пушилин махнул рукой, – да что говорить, сами всё увидите.

Он резко повернулся ко мне.

– Ну владею я какой-то «сверхординарной» способностью, а сам ни себя ни людей терпеть не могу! Зачем-то женился, детей нарожали, а я домой идти не могу! Сначала пил от бессилия что-то исправить. Всё нарывался на неприятности, чтобы из этого мира слить. Ну вот, шибануло меня однажды... Так мой организм сейчас водку на дух не принимает, только «Портвейн». Да и то не всегда. Работа – каторга, семья – тюрьма, жизнь – неволя. Я, помимо оптимальной схемы р-п-р переходов, людскую изнанку вижу, как рентген! Я не добрый, а – добренький. Потому дистанцию от дикарей держу на Вы...

– Это что цена сиддхи?

Пушилин неопределённо повёл плечом и замолчал. Когда мы ехали в переполненном автобусе, он вдруг вернулся к разговору.

– *Разумение* это способность управлять своим умом, если хотите и всем остальным тоже.

– А-а, возница и кони в упряжке?

Пушилин усмехнулся.

– Хотя что-то знаете... Ну вот, Евгений, наберётесь Вы знаний, ну начнёте людей исцелять, но при этом так и не станете хозяином своего мира. Только хозяин начинает вести себя ответственно и рачительно. Он – соТворец, а не вечно голодный потребитель, для которого мир – это место, где удовлетворяются все примитивные – по сути – потребности. И где этот самый потребитель живёт, там и гадит. Вот смотрите, – Пушилин показал на истерзанную чем-то острым обивку автобусного сиденья и исписанную непристойностями стенку салона.

Я согласно закивал головой.

– Тримальхионы!

Пушилин замер и с его лица схлынула мрачная тень.

– Это из Анчарова?.. Ну, если в Вашей компании такие люди как Михаил Львович, Шукшин, Визбор и Окуджава, то Ваше положение не безнадежно.

– А ещё – Наше Всё, Грибоедов и Толстоевский!

Лицо Пушилина озарилось доброй улыбкой.

– Вы, Евгений, простите мне мою маргинальность. Я четвёртый день в завязке. Нина ультиматум поставила. Жена моя. Вот я и маюсь чёрным по белому. Нам выходить.

Примерно посередине полутёмной аллеи я остановился.

– Вы извините, Михаил, я в гости с пустыми руками не хожу. Давайте зайдём в какой-нибудь гастроном по пути.

Пушилин вдруг ударил себя по голове и громко выругался:

– Блииин!!! Нина мне список продуктов написала. Совсем забыл!!! Сейчас местные магазины позакрывались. Хотя в Москву возвращайся!

Он с досадой огляделся.

– Ладно. Пройдёмся до дежурного магазина. Он далековато, но всё же ближе, чем Москва. Местные продавцы не всегда соблюдают правила торговли. У нас тут уже не столица, итти её! – Пушилин решительно направился в сторону мерцающих из-за деревьев огней спального района. – Авось, Евгений нам с Вами повезёт и наши обстоятельства удача не оставила.

«Наши обстоятельства удача не оставила» и спустя полчаса мы стояли перед дверьми квартиры Пушилиных. Покамест нам пришлось сделать изрядный крюк за покупками, Михаил успел мне рассказать об институте.

– Официально наш институт организовали под эгидой горсовета. Вся его деятельность к академической науке отношения не имеет. Но «на волне перестройки и гласности» всякий градоначальник пытается внедрять в жизнь «смелые эксперименты». А дело-то в том, что Протасов вылечил у жены первого секретаря какую-то «неизлечимую козявку». Всего-то и надо! – В голосе Михаила я уловил нотки горечи сожаления, – Протасов по теме «нужных связей» настоящий экстрасенс. Он и в Англии чуть ли не королевскую семью пользуется какими-то своими чудодейственными припарками. Штат института укомплектовали быстро. Меня Дорогин подобрал, когда за «пьянку на рабочем месте» выперли из Прохоровки (Институт общей физики им. А.М. Прохорова). Юродивых, спивающихся гениев и прочие чудотворцев на Руси-Матушке всегда хватало. Даже филиалы пооткрывали от Краснодара до Иркутска. И бюджет у нас такой, что хоть ракет в космос запускай. Кстати, эти юродивые себя нынче называют не иначе как «космосенсами», а кто из них пообразованней – «биоэнергетиками». В моей лаборатории трое таких обретаются. Из них, пожалуй, Вам предстоит сотрудничать с Жорой Неведомским. Он скоро из командировки вернётся и я Вас подключу к его разработке аппарата по «ускоренному сращиванию тканей». Эта разработка всё же ближе к медицинской тематике, чем всякая промышленная хрень.

Уже перед самым подъездом я остановил стремительную ходьбу Пушилина.

– А как же Хроники Акаши? Разве через них нельзя найти выход из тех же противоречий жизни среди людей и своей гиперчувствительностью? Там же все ответы на наши вопросы содержаться...

Пушилин помотал головой.

– Может быть и содержаться. Только у меня к Ним ограниченный доступ. Видимо шарануло не сильно или не в то место.

– Как это ограниченный?

– Да я только по своей профессии могу картинки получать. И то не всегда. Видимо среагировали наиболее развитые структуры мозга. А они у меня на электронную технику заточены. Был бы Шерлоком Холмсом – ловил бы сейчас преступников «на раз».

– А как это происходит?

– Да как? Во мне как басовая струна напрягается, я бздинькаю по ней своим вниманием и «вася» – листаю атлас с голографическими картинками электронных схем по запросу. Но это слишком примитивное описание, в действительности всё сложнее.

Дверь нам открыла миловидная женщина со следами хронической усталости на лице. Она заметила набитую продуктами сумку и только после этого пропустила Мишаню в дом. Вокруг него сразу загалдела, как мне показалось, целая орава детей. Младший ещё плохо держался на ногах, поэтому вцепился отцу за штанину и начал по ней карабкаться.

– Даня, папа с улицы. Сейчас он переоденется и возьмёт тебя на ручки.

– Нина, это Евгений. Он из Барнаула. Будет работать в моей лаборатории, – перекрикивая гомон, отрапортовал Пушилин.

Нина выпрямилась и окинула меня оценивающим взглядом местного прокурора.

– Ну, слава богу, хоть одного нормального привёл.

Пушилин суетливо старался загладить свою вину из-за позднего возвращения.

– Мы к москвичам не очень...

Нина строго шикнула на детей.

– А чего их жаловать?! Они все поголовно испорчены квартирным вопросом, а другие чудики вроде твоего Жорки Неведомского, если не спиваются с тобой, то за летающими тарелками гоняются.

Пушилин торопливо переодевался в домашнее и на ходу успевал смягчать язвительные комментарии жены:

– Вот так в двух словах о философии жизни. А я пред Вами два часа распинаясь. Нина, мы ужинать не будем. Успели перекусить в столовой горсовета.

Нина кивнула в сторону кухни.

– Женя, Вы проходите вон туда, устраивайтесь. Я пока детей покормлю.

Пушилин и здесь успел вставить свои «три копейки»:

– Мы в основном на лоджии живём, чтобы ребятишки закалялись. Я там им всё оборудовал и для занятий, и для...

Нина прервала мужа:

– Сейчас я Вас на кухне устрою. В других комнатах Вам чадушки покоя не дадут.

Бытовая круговерть Пушилиных напомнила мне, что где-то за горами за долами сейчас готовится ужинать и моя семья... А я не с ними!!! Какая-то нелёгкая занесла меня неизвестно куда да и не известно зачем. Тягостная маята и неведомая раннее глубокая тоска захватили моё существо до такой степени, что я уже собрался бежать на ночь глядя в аэропорт.

«Всё мосты сожжены: с кафедры ушёл, диссертация похерена, учителя получается предал...»

Пушилин зашёл на кухню, чтобы узнать, как я устроился.

– Скажите, Михаил, а почему Вы считаете, что у меня пока *Разумения* нет?

Пушилин пожевал губами прежде чем ответить:

– Во первых я так не считаю. Я ж не ясновидящий. Я говорил, что Вам теперь без *Разумения* в каждом своём поступке нельзя. Иначе пропадёте. А вот что Вас сюда, – он обвёл руками комнату, – привело? *Разумение*?

– Да нет, скорее авантюризм. Со мной в последнее время происходит нечто с точки зрения моего рационализма необъяснимое.

– Но вы же врач. У вас медиков, вроде как, феноменологический подход присутствует.

– Ну да. Иначе субъективизм при постановке диагноза не преодолеть. Пациента можно погубить.

– Так Вам и карты в руки. Только теперь погубить можете себя... – Он качнул головой в сторону, где слышались детские голоса, – и тех, кто от Вас зависит. Учиться, учиться и ещё раз учиться «отделять котлеты от мух» и наоборот! Ни на минуту не забывайте об этом.

– Спасибо, Михаил. Вы мне дайте какую-нибудь полезную книгу. Я всё равно часа два ковать буду. Биологические ритмы ещё не перестроились.

Михаил отлучился и через минуту вернулся с изрядно потрепанным томом.

– Вот, пожалуй, начните с Успенского. Он математик – поэтому мозги не пудрит, а излагает сложные для понимания темы с модельной точностью. Может уже читали?

Я взял книгу. На обложке прочёл: «Новая модель вселенной».

– Откуда, Михаил. Я «в экстрасенсах» без году неделя. Моих интересов хватало только на опусы моих коллег.

– Ну вот и начинайте восполнять пробелы об устройстве мироздания с опусов более менее адекватных людей. И не забывайте, что мироздание каждому из познающих его таинства всегда откликается. Нужно только Быть открытым к его сигналам.

Я с готовностью продолжил:

– «Нужно быть чутким и иметь сердце на пятках, пробираясь по тернистой тропе самопознания» ... Видимо мне быть чутким придётся на ходу учиться. Раньше моя жизнь была может и не шибко размеренной по событиям, но сейчас я свернул на одну из её улиц, где декорации меняются каждую минуту. Разбираться «что куда втекает, как течёт и откуда вытекает» не успеваю.

Пушилин кивнул.

– Без всякой иронии, Евгений, – не мудрите. Никакой особой сложности в общении с мирозданием нет. Вот Вы мне задали вопрос – я ответил. Попросили книгу – получили нуж-

ную. Обычно вот так просто происходит. Не нужно только, попав в стремнину обстоятельств, клювом щёлкать или в носу ковыряться да ворон считать.

Пушилин вышел и плотно закрыл за собой дверь. Его искренняя забота и желание меня поддержать в трудной ситуации меня тронули до слёз благодарности. Я забрался под мягкий плед и ощутил себя спасённым из половодья зайцем, а дед Мазай подарил мне ещё одну возможность жить среди бурных потоков пробуждения в ясном и спокойном осознании происходящего.

Я с осторожностью сапёра открыл книгу. К своему удивлению автор излагал трудный для понимания материал вполне доступным языком, но информационная насыщенность была столь объёмной, что на 15-ой (или на 17-ой) странице я начал клевать носом и сразу же заснул.

Я вынырнул в явь рано утром от внутреннего точка. Рядом с моим импровизированным ложем стояла девчушка 4-х лет и с детской непосредственностью изучала моё лицо.

– Ты что с моим папой работаешь?

– Угу.

– А ты ладошками тоже свистеть умеешь как дядя Жора?

Я улыбнулся.

– Нет я пока могу свистеть только дырочкой в правом боку. А ладошками свистеть учусь.

Девчушка доверительно прошептала:

– Учись быстрее. Мы в больничку будем играть. Дядя Жора меня лечил, когда я ножку сильно ушибла. Вот.

Она показала на свою пухлую ножку и шмыгнула за дверь. «А мои, наверное, уже в садик собираются».

– Что ж, Мироздание, я твоё приглашение заценил.

– Я почему тебе так подробно рассказываю об этом этапе своей биографии и стараюсь, не упускать даже сопутствующих бытовых подробностей? В раскладе вхождения в Тему *освоения качественно нового способа восприятия мира*, очень важно понимать происходящее со всеми его нюансами. Любой нюанс в таком раскладе имеет судьбоносное значение. Не учтёшь казалось бы «нечто для себя несущественное» и можешь пропустить «нужный поворот» на Дороге Поиска Истины или начнёшь общаться с миром не в том ритме, не в том настроении, с «беспечностью любопытствующего зеваки» и «всё!!!» – можешь очень быстро оказаться на обочине собственной жизни... Вспомни как по этому поводу братья Стругацкие процитировали Ёсано Акико:

Сказали мне, что эта дорога

Меня приведёт к океану смерти,

И с полпути я повернул обратно...

С тех пор всё тянутся передо мною

Кривые, глухие окольные тропы...

Я откликнулся на зов мироздания, последовал за призрачным кроликом и нырнул за ним в его нору... Но никому неизвестно, какая глубина у этой норы, какие опасности и испытания там подстерегают неопытного искателя истины. Своих искателей истина всегда испытывает самыми болезненными способами. И Цену за достижение Знаний берёт самую дорогую – время, силы и здоровье. Искатель может погибнуть или, что ещё хуже, стать калекой – душевнобольным или инвалидом.

Однако мои предшественники, такие же искатели истины, оставили нам сведения о своём опыте поисков: *любые затраты на достижение более объёмного осознания, всегда!!! оправдываются.*

Так что, если эта Игра стоит затраченных свеч, то...

В последующие три дня Пушилин позволил мне пребывать в свободном режиме и я с трепетным восторгом, благодаря Успенскому, быстро устранял пробелы в своём образовании. Математик Успенский на простом и доступном языке помог мне систематизировать базовые принципы в строении мироздания. В дополнении с моими познаниями в области медицины я без особого труда разобрался в темах, которые считал мистикой и «потусторонней ерундой». Буквально в каждой главе я находил информацию о закономерностях развития человека и его возможностях, если это развитие подчинено принципам сотрудничества с миром. Мне становились понятными успехи моих первых опытов применения «биоэнергетической коррекции» в лечении и почему у меня порой ничего не получалось.

Один инсайт сменял другой. Я был окрылён открывающимися перспективами. Но тут в лаборатории объявился Жора Неведомский. Он сразу взял надо мной шефство. Перевёз к себе, И, хотя он так же жил в одном из подмосковных городов, но добираться до него было проще – без перекладных на электричке.

Жора этикетом не заморачивался, переходил с «вы» на «ты» и наоборот. Говорил странно для меня и часто не договаривал начатую тему, впадая в задумчивость.

Первое что показал мне Жора у себя дома это «обломки НЛО». Он вытащил из под кровати стеклянную банку, почти полную темноватой жидкостью, и выудил из неё кусок странного материала.

– Подержи.

Я осмотрел кусок. «Ну и? Металл какой-то...»

– Чего чувствуешь?

– Ну тяжеловат, пожалуй, для своих размеров. Тяжесть, правда, странная...

Жора с пристальным вниманием, как будто увидел впервые, воззрился на меня.

– А ты взвесь. Вот тебе весы из набора химика. Ну?

– Ничего не весит.

– А теперь гирьки возьми. Вот из этого же набора.

Весы показывали означенный вес.

– Ты хочешь сказать, что этот материал ничего не весит?

Жора кивнул.

– Это металл. Я его проверял в нескольких лабораториях. Он... не из таблицы Менделеева. А ты его вес чувствуешь!!! Это может только «космосенс».

Жора посмотрел на меня расфокусированным взглядом и в голосе его зазвучало нескрываемое изумление:

– У тебя тройная структура биополя.

– Что это значит?

Жора протянул мне банку.

– Сделай плоток. Не бойсь. В этой жидкости ни одного микроба. Она стерильна. Я раз в месяц делаю по плоточку. А по особенностям устройства человеческого биополя ты лучше пообщайся с Полежаевым. Он у нас созданием толтекских групп занимается. Ну?

На вкус маслянистая вода была вязкой консистенции и отдавала чем-то приятно металлическим.

– А какой эффект от того, что ты пьёшь эту жидкость?

Жора спрятал воду обратно под кровать. Я заметил, что там стояло ещё несколько банок, стенки которых были покрыты серебристым налётом.

– Сам увидишь.

– Жора, ты меня что – тестируешь?

– Ты меня удивляешь. Это же инопланетные технологии. Это... это, чудо, за которым гоняется полчеловечества. А ты спокоен, как декан на кафедре и даже не врубаешься, что тебя не я тестирую. Это же «Допуск» в святая святых эзотерики...

– Знаешь, Жора, у меня всегда вызывало уважение, изумление и подлинный интерес, как люди, оказываясь в нечеловеческих условиях, тем не менее оставались людьми. Как моя бабушка – Феоктиста Михайловна, что в голодные годы войны, всё что могла отдала для победы, из пяти своих детей смогла спасти только двоих – моего дядю и мать, и не озлобилась, и до конца жизни щедро делилась своей неиссякаемой добротой. Мой непутёвый сосед – Данилка по дворовой кличке Стёпка-Растрёпка, который был старше меня всего на три года, погиб в Афгане, спасая таких же пацанов из глубинки Союза. Я вот на таком вырос. А что из глубин мироздания кто-то наблюдает за нами, живёт среди непредставимых технологий и возможно ждёт от нас – людей – что мы хотя бы не скурвимся на своей эволюционной ступени развития. Для меня это всего лишь напоминание, что я не пуп вселенной.

Жора не то с недоверием, не то с недоумением покачал головой.

– Сильные категории! Считаю, что ты меня приятно удивил. – Он протянул свою «свистящую ладонь» и крепко сжал мне руку.

С этого момента Жора начал общаться со мной без панибратства и покровительственного тона. Я, вероятней всего, был допущен Жорой в круг достойных допущения. С другими сотрудниками института, называвшими себя «магами» или «экстрасенсами», Жора общался снисходительно, иногда с нескрываемой брезгливостью высоколобного чистоплюя. Его характеристики всем без исключения сотрудникам и сотрудницам института носили краткий и безапелляционный характер: «фуфлофан», «казёло», «придурак» – это про мужчин, «простованка», «фуфлыжница», «дурка» – про женщин.

Полежаев начал давать нам с Неведомским задания проконсультировать кого-то, нет покамест не из власть имущих, покамест их протее. Но результаты руководство обнадёжили. И вскоре, в один из вечеров, нас с Жорой на очень дорогой иномарке «прямо» из подвальчика нашей лаборатории на Маяковской повезли в небольшой, очень частный, отель на Воробьёвых горах.

Метрдотель, похожий повадками и внешним видом на премьер министра европейского государства, провёл нас в помпезный предбанник сауны. В помещении никого не было, но следы «активного присутствия» официанты ещё не убрали. Неведомский с замашками завсегдатая взял с фуршетного стола вазочку с фисташками и расположился у камина, а я в своём костюме-тройка в ожидании патрициев из терм чувствовал себя совершенно нелепо. Обнаружив выход в оранжерею зимнего сада, я вышел в благоухающие кущи южной растительности.

До меня только сейчас дошло зачем Полежаев свёл нас с Жорой для представительской работы в паре. Скорее всего для того, чтобы представлять фасад лечебного направления Нии-ЧаВо. Жора со своим незаконченным техническим образованием и культурой на уровне приёмщика из радиомастерской дома бытовых услуг был чем-то вроде главного блюда терапевтического стола, а я, с возможностями выдавать на гора отточенные клинической практикой диагнозы, был официантом.

За несколько месяцев работы в институте я насмотрелся на то, как проводится «исцеляющая терапия» и штатными «целителями» и приглашаемыми экстрасенсами: от шаманского камлания и ритуального изгнания бесов до низведения космических сил в брненное тело страдальца. Всё разнообразие в попытках излечения сводилось к тому, что пациента лечил не врач в белом халате, а «тихонькая старушка – божий одуванчик», внушительных габаритов амбал, эффектная тётка (колдунья в десятом поколении) с индейской раскраской на физиономии или потомственный шаман в экзотическом одеянии. Многие горе-целители даже не пытались докапываться до первопричин заболевания, ссылаясь на свой всевидящий «третий глаз». Хотя были и такие, кто заявлял, что «работает» на уровне определения кармических истоков болезней, но при этом эти самые болезни «исцелялись» только на уровне их внешних проявлений – симптомов. Чего греха таить – и мои коллеги, особенно те, кто вели приём в поликлиниках, предпочитали заниматься не причинами простуды, а только тем, что вызывало её внешние прояв-

ления: насморк, кашель, температуру. А где же соблюдение основного принципа медицины: лечить человека, а не болезнь?

Я поделился своими сомнениями с Полежаевым:

– Сергей Иванович, умалчиваю о явном нарушении юридических законов – лечить имеют право только дипломированные врачи. Но все эти доморощенные кашпировские превращают процесс лечения в низкопробное шоу. Показательно, что Жора Неведомский, громко именуемый себя «космосенсом», ведёт себя как деревенский костоправ. А что «ладонями свистит» и то – не факт. Я предполагаю, что, когда он напрягается, то у него начинают вибрировать голосовые связки. И я не исключаю, что это проявление чревовещания. А эти сары-гадалки, «кармосенсы», колдуны всех мастей?! Они же дискредитируют научные основы нашего института! Это мракобесие, Сергей Иванович.

Полежаев усмехнулся.

– Эх, Евгений свет Васильевич, да со времени распятия Христа человечество не сильно изменилось. Ты в курсе за что «ушли» живое воплощение Бога? Бога! С Его абсолютной непогрешимостью!..

Многие наши с тобой современники до сих пор находятся на таком уровне развития понятийного аппарата, что лечению открываются только, если их лекарь до «костей пробирает» или вокруг них устраивают «махалай-бахалайные» ритуалы. А то, что ты только фокусировкой своего внимания можешь корректировать дефекты биополя, по «мановению ока» избавляешь пациента от болезни! Но, чтобы принять саму возможность подобного излечения у этого пациента сознание должно быть развито хотя бы на уровне «чуть выше табуретки». Как говорит наш общий с тобой знакомый – чревовещатель Жора Неведомский.

Полежаев махнул рукой, прерывая мои попытки вставить что-то «глубокомысленное».

– Тут вот банкир ко мне приезжал, которого ты от геморроя лечил и восхищённо на тебя жаловался. Показывает ожоги на запястьях и голосит на всю Тверскую: «Верую! Теперь верую!» Раньше, говорит, дорогой ты мой, Серёга Иванович, всей вашей братии не верил, а щас и жопой могу в кресле сидеть и коньяк снова кушать литрами. И показывает мне ожоги после твоего лечения. Я то подумал, что ты уже мудрым не по возрасту стал.

Полежаев укоризненно покачал головой.

– Учись соизмерять свои силы. Тебе ещё со своим невежеством работы хватает, а ты на других бочку катишь. Да тот же Кашпировский своими телешоу такой мощный толчок в развитии мировосприятия нашего общества делает, что сейчас тысячи, десятки тысяч начинают «хотя бы» смотреть в сторону – «Где они, в Чём они и Как они». Согласись, что и это уже не мало...

– Но, Сергей Иванович...

Полежаев жестом прервал мою речь.

– Женя, как называется лаборатория, которую сейчас возглавляешь?

– Лаборатория «Исследования биоэнергетических возможностей человека».

– Нет, Женя, прежде всего ты возглавляешь «научно исследовательскую лабораторию».

Вот и исследуйте! Ты же уже не отрицаешь, что «биоэнергетические способности» у человека есть? Ну, вот. К нам начали поступать заказы от предприятий, чтобы мы проводили выездные осмотры их сотрудников. Ты будешь формировать штат бригад, для проведения таких выездов. И обязательно включай туда каждой «твари по паре»: и «космосенсов», и колдунов, и «кашпировских» с «чумаками». Запомни, Женя, общепринятое лечение напрямую соответствует уровню культуры общества. Поэтому в данный момент «шоу» в терапии востребовано. И не пытайся никому причинять добра! Если человек не просит его просветлять, а только чтобы ты утолил печаль-тоску – утоли... И не более! Железной рукой к счастью против согласия не загонишь ни одного человека. Так ведь?

Я не мог с этим утверждением не согласиться. Большинство людей обращаются за помощью к врачам, но только чтобы им прописали «волшебную пилюлю» от всех их болезней. Мало кто проявляет готовность проясняться в причинах своих страданий. Предпочитают не заморачиваться совершением достаточного количества труда, чтобы больше не наступать на грабли нарушения здорового образа жизни.

Конечно, меня окрылили открывшиеся возможности в лечении человеческих недугов. Изучение мироустройства и человека выводят исследователя на совершенно иной уровень излечения болезней – вплоть до полного исцеления человека. Но всё же Главным Принципом работы для каждого врача является просвещение – избавление пациента от невежества, которое, собственно, и приводит его к болезням.

Мишаня, Мишаня!!! Если бы ты знал, дорогой мой человек, что твой изначальный посыл, твои предупреждения стали для меня и путеводной звездой, и спасательным кругом в перипетиях моего становления как врача целителя. Я не умаляю заслуг Дорогина, Полежаева и других посланцев мироздания. Но «слушать и слышать», «чутко откликаться на сигналы» своей Жизни я начал благодаря тебе. Если тот, кто избирает для себя дороги Пути Пробуждения не руководствуется Его золотыми Правилами путешествия, то очень быстро становится жертвой опасной – смертельной опасной – Игры неведения. Пробужденность Аспекта Ученичества к тому, чтобы в любой ситуации Жизни оставаться Человеком, уважительное отношение к каждому мгновению пребывания в этом Мире, к каждому проявлению Его многообразия даёт шанс в достижении Того, ради Чего стоит Жить, а иногда и умереть!

Мои переживания прервал активно жестикулирующий Жора Неведомский. Я вернулся в предбанник. За одним из столиков сидели Протасов и мужчина, исполненный такой матеростью власти и привычной волею повелевать, что я оробел.

– Вот, Владимир Иванович, один из наших ведущих сотрудников – Евгений Васильевич Лучинкин. Я рекомендую его для исполнения нашего с Вами договора.

Владимир Иванович коротко на меня посмотрел и отставил полупустой бокал с вином.

– Что ж... Да вы садитесь, доктор. Просьба у меня есть. Я только вернулся из Германии. Везил дочь к тамошним эскулапам. А до этого её пытались лечить и в Израиле, и в Америке, и в частных клиниках. У Анютки с рождения проблемы со спиной. Ничего сделать не могут. Вот на нашу отечественную – всегда передовую – медицину осталось уповать. Поможете – озолочу.

Протасов поднял свою ладонь, останавливая мои вопросы.

– Они помогут, Владимир Иванович. Возможности нашего института ограничены только возможностями человеческого воображения. Прогресс на месте не стоит.

– Ну-ну.

Владимир Иванович поднялся и не прощаясь вернулся в парилку.

Протасов жестом пригласил Неведомского сесть рядом со мной.

– Вот что, соколики, Владимир Иванович – один из генералов нашей нефтегазовой промышленности. Пригласил специалистов нашего института провести что-то вроде профосмотра для сотрудников одного из базовых городов нефтяников. Заказ может и не крупный, но для нас знаковый. Попадём «в обойму» внимания власть имущих – будет нам и стабильное финансирование, и соответствующий респект. Так что, формируйте, Евгений Васильевич, бригаду специалистов, думаю 9-10 человек будет достаточно и через два дня спецрейсом полетите «на точку».

Протасов пристально посмотрел на меня:

– От результатов этой работы, Евгений Васильевич, зависит Ваше назначение на должность главы регионального института эниологии. Особенно это касается вашей с Неведомским способности помочь дочери Владимира Ивановича. Не обесритесь! И вот что, Евгений, никаких левых заработков. Все перечисления только на счёт института. Вы меня поняли?

Я кивнул. Для меня такой расклад был «как само собой разумеющееся». Но Протасов недоверчиво покачал головой.

– И чтобы Так было и ныне, и Так будет и впредь! Всё – отправляйтесь. Эта тусовка пока не для вас...

В Нефтегорск поехала «бригада профессиональных экстрасенсов». Её состав сформировал не я, а Полежаев. Но его руководящая инициатива больше помогла нам в работе, чем вся моя «предвзятая академичность».

В первый день профосмотра народа было мало. В основном это были любопытствующие сотрудницы головного офиса. Но после «чудотворных исцелений» на второй день в коридорах ведомственной гостиницы царило столпотворение. Сарафанное радио привело всё бюджетное население города, их родственников и заезжих сродственников. «Специалисты из Москвы» устроили ажиотаж.

Я обязал своих подопечных, невзирая на неожиданный фурор, соблюдать формальную регламентацию: составлять минимальный анамнез и фиксировать способ применённой терапии. Правда, за отчётность «доморощенных колдунов» и «потомственную знахарку» Надежду Константиновну, которую мы за глаза называли «Крупской», я беспокоился особенно. Ну как, их отчёты о «порче и сглазе» или «гадании на кофейной гуще» мне потом оформлять в научные протоколы?

В небольшом перерыве в работе в мой кабинет зашёл Неведомский.

– Звонил Протасов. Вечером привезут дочь генерала. Он «попросил» её посмотреть нам с тобой вдвоём... Кстати, поздравляю, у тебя уже появились ученики, последователи твоего «уникального дара».

Сарказм Неведомского оторвал меня от стопки неоформленных анкет.

– Ты о чём?

– Не о чём, а о ком – о «Добчинском» и «Бобчинском». (Это Жора о Макарове и Лунёве, младших научных сотрудниках нашей лаборатории). Они же за тобой как приклеенные ходят, только что в рот не заглядывают. У меня на приёме посидят полчаса и сразу уходят к тебе. На других вообще ноль внимания.

– Завидуешь что ли? Иди лучше помоги Фирсовой. У неё у кабинета с утра очередь не рассасывается.

О Лунёве я знал ещё очень мало. В мою лабораторию он был зачислен по рекомендации Пушилина. Уже это было для меня достаточным аргументом. С Данилой Макаровым, как оказалось, мы жили в одном городе. Его дед – потомственный травник, настоящий деревенский знахарь. Благодаря Даниле я прожил на пасеке его деда всё лето и время сбора целебных трав. Он передал мне бесценные знания по «алхимической работе с живым и неживым веществом». Данила не имел отношения к медицине, но они с Лунёвым охотно учились и обладали пытливым умом. Поэтому я видел смысл тратить на их обучение азам биоэнергетики и время и силы. Кстати дед Макарова – Савелий Мефодьевич – стал прототипом Деда из трилогии «Рождения мага», которую я написал вовремя моей вынужденной эмиграции.

Уже под вечер, когда приём оставшихся желающих был перенесён на следующие дни, дверь моего кабинета распахнулась и вошла невероятно красивая девушка. Она принесла с собой облако какого-то диковинного запаха и совершенно неместное обаяние.

– Здравствуйте. Вы – Неведомский?

Мне показалось, что я засуетился, но скорее я впал в оторопь. До её вопроса я от усталости готов был уснуть прямо на кушетке. Но теперь чувствовал себя бодрым, как после контрастного душа и чашки крепкого кофе.

– Аня?

Девушка вздёрнула брови и не стало ни каких барьеров для близкого доверительного общения, как будто мы давно – нет! – всегда знали друг друга. Аня хмыкнула.

– А-а, Вы – Лучинкин! Это про Вас папа говорил, что Вы лечите одним взглядом?

Теперь хмыкнул я. Чувствовал я себя как ребёнок, которому только что подарили желанную игрушку.

– Вы присаживайтесь. Я сейчас схожу за Неведомским. У меня тут душно, а окно не открывается.

За Жорой идти не пришлось. Он нарисовался в дверях с флёром необычайной таинственности на лице, посмотрел на меня и Анюту.

– Вы что начали без меня?

Я теперь не очень хорошо подробности диагностики болезни Анюты. Но врождённый дефект позвоночника её классически прекрасного тела был полнейшим диссонансом, бельмом в диковинных очах. Неведомский никогда не работал в команде. Он без согласования принялся за свою «костоправскую» методу и на меня не оглядывался. Я угрюмо сидел за столом и пытался составить диагностическую карту. К своему крайнему удивлению у меня не получалось не только «что-то увидеть в причинно-следственной цепочке» заболевания девушки, но весь мыслительный процесс безнадёжно рассыпался на отдельные фрагменты и к целому возвращаться не собирался.

Я тупо смотрел на схему костного скелета и не услышал, как Неведомский закончил свою работу и Аня ушла. Планёрку по итогам рабочего дня я попросил провести своего коллегу – Алексея Козубовского, а сам продолжал пребывать в разобранном состоянии. Примерно через час Владимир Иванович прислал за нами автобус и увёз всю нашу бригаду в свой загородный дом. Я смутно помню, как в свете фар показался бревенчатый терем на сваях, и понемногу начал приходить в себя лишь в парилке, надышавшись горячего воздуха.

Лунёв что-то спросил у Неведомского о состоянии «блатной пациентки» и тот с верхней ступени полока ответил одним словом:

– Карма.

Слово «карма» в наших кругах было чем-то вроде матерщины. Им по всякому поводу пользовались такие целители как Надежда Константиновна, сливая как в помойную яму все попытки здоровой диагностики. А «отрубание кармических хвостов» и «фрагментация кармы» вообще стали ругательной «притчей во языцех».

Меня охватило сильное раздражение на Неведомского. Мало того, что он ревниво относился к интересам молодых сотрудников, которые «почему-то» его – «великого космосенса» – обходили стороной, но его откровенное небрежение к процессу обучения было явным нарушением неписанной этики нашего института.

Сверху вдруг послышался неласковое обращение Жоры:

– Пердеть в парилке – это святотатство.

Я недоумённо огляделся – кому это Неведомский адресовал свой выговор. По тому, как Лунёв и Макаров отвели свои взгляды я с растерянностью понял, что выговор относился ко мне.

– Что?

Лицо было выразительно бесстрастным. «Оппа»! Мой афронт продолжается. Я ничего не ответил и как уличённый в низости школяр выскочил в предбанник.

Все последующие дни были заполнены напряжённой работой. Выяснилось, что почти все стационарные работники Нефтегорска либо очень редко проходили обследование у врачей, либо вообще никогда к ним не обращались. И дело было не в дефектах системы советской медицины. Они как один боялись, что врачи их забракуют и отправят на большую землю. А там и зарплаты другие и перспектив обеспечить достойную пенсию где-нибудь в Краснодарском Крае никаких.

Поэтому все как могли ухватились за неформальную возможность что-нибудь узнать о состоянии своего здоровья, а то и исцелиться за государственный счёт.

Мы едва успели осмотреть штат административного состава и некоторых их родственников, как оговорённые сроки нашей командировки завершились. Анюта после каждого сеанса у Неведомского заходила ко мне. Мы ворковали как голубки. Я с упорством контуженного забывал о цели своего пребывания ради чудесных минут общения с необыкновенной девушкой. Анюта терпеливо дожидалась завершения приёма, если у моего кабинета оказывались посетители. Мы говорили и говорили и нам не важно на какую тему. В какой-то момент Анюта вставала и исчезала. А я сидел с закрытыми глазами и вдыхал запахи её присутствия. Нам было просто хорошо друг с другом. За день до отъезда я наконец-то заметил, что Анюта морщится от болезненных ощущений.

– Что с тобой?

– Неведомский... Он пытается выколотить позвонки в новое положение, а у меня после курса вытяжки в Германии и так вся спина как огромная рана.

– Давай я уберу боль.

– Неведомский сказал, что боль убирать нельзя. Иначе что-то там не так пойдёт.

Я стиснул зубы. «Космосенс хренов».

– Снимай кофту и поворачивайся ко мне спиной.

Анюта, после раздумья, разделась. Я осмотрел её позвоночник и наконец-то начал видеть знакомые линии энергетического кокона. В них было много пульсирующих волокон бордового и жёлтого цвета. Над областью двойного сколиоза выпячивались устойчивые структуры цвета слоновой кости, характерные для наследственных патологий.

«Однако».

Я отбросил сомнения, положил ладонь на шею и в темпе, который мне подсказывал контакт, провёл её до крестца. Анюта сразу выпрямилась и замерла.

– Что ты сделал? Я же вся мокрая стала... Везде... Ты... Ой, не больно!

Она забылась и повернулась ко мне сияющей грудью. Я невольно отвёл взгляд, забывая о своей роли врача. Анюта торопливо оделась.

– И что? Можно что-нибудь сделать?

Я очнулся. Как ей сказать? Сформулировать внятный ответ мне мешал некий процесс – монолитный и беспощадный.

– Что с твоей мамой?

Анюта нахмурилась и ответила мне чужим голосом:

– Мама с нами не живёт. Она отказалась от меня ещё в роддоме. Папа после этого с ней развёлся и...

У меня в теле появилась странная дрожь – предвестница инсайта. Совсем сейчас нежелательным.

– Я не знаю, как тебе это объяснить.

В глазах Анюты сверкнули искорки:

– Что боишься причинить боль? А ты не бойся. Ты хоть представляешь сколько я всего выслушала переезжая из клиники в клинику!? И сколько глаз я видела за стёклами профессорских очков?!

– Ты не про то! Совсем... – Я с досадой отвернулся. Меня охватила обида, что эта необыкновенная девушка мне приписывает банальную трусость или, что ещё хуже, лицемерие. – Работать с наследственными заболеваниями всегда не просто. Иногда на теле людей её дефекты завязываются в такие узлы, что не под силу распутать пусть даже трижды чудотворной медицине. Это могут сделать только те, кто их завязал.

Анюта слушала меня с лицом прокурора.

– Отец никогда не сможет простить мою мать. Он считает, что она его предала. Сколько я не пыталась его разубедить – он только злился... Иногда до бешенства, когда он теряет кон-

троль над собой. Если я пытаюсь с ним на эту тему говорить, он становится белым, как снежная глыба. Ни вас, никого другого он слушать не станет. Лучше и не суйтесь...

Плечи Анюты опустились и я испугался, что она расплчется. В дверь постучали и в кабинет заглянул Лунёв:

– Евгений Васильевич, Вас на планёрке все ждут.

– Сейчас иду.

Я старался не смотреть на Анюту.

– Что совсем нельзя ничего сделать по другому? Вы же чародеи...

– Причём тут...

Анюта поднялась и я, хватаясь за призрачную опору, бросил ей в спину:

– Завтра... Нет! Ещё сегодня я посмотрю что можно сделать.

Дверь с равнодушным скрипом закрылась за Анютой. Меня охватил страх, что больше мы не увидимся. Завтра последний день работы... В дверь без стука вплыла Надежда Константиновна.

– Жень, у меня там женщина на приёме. Сложный случай. Помогите разобраться. Я только успела раскладку сделать, а её падучая началась.

Надежде Константиновне было около шестидесяти. Но её лубочная внешность надёжно заморозила возраст на пятидесяти пяти. Сотрудники подтрунивали над попытками «нашей Крупской» молодиться, но покладистый характер и простота в общении полностью окупали её попытки казаться «божьей избранницей».

– Вы что её одну там оставили?

Надежда Константиновна суетливо семенила рядом.

– Не-ет, там Лунёв с Макаровым. Может скорую вызвать?

Я чуть не рассмеялся, увидев нешуточную растерянность «потомственной ворожеи».

– Очнитесь, Надежда Константиновна. Мы не в Москве и мы не семечками торговать приехали.

В кабинете, где вела приём Надежда Константиновна, было душно. В добавок она поставила ещё и дополнительный обогреватель. Так что первое, что я сделал, распахнул двери настежь (благо что посетителей поздний час разогнал по домам). Лунёв с мертвенно бледным лицом держал молодую девицу за руки, пытаясь уложить ту на кушетку, а Макаров ходил вокруг трепыхающихся тел и энергично махал руками. Картину маслом дополняли громкие взвизгивания девицы и её невнятное монотонное бормотание.

«Однако».

– Оставьте девушку в покое!

Лунёв пытался возражать, но руки отпустил. Девица перестала биться в припадке и замерла посередине кабинета. Макаров тоже застыл с открытым ртом, наблюдая за резкой сменой ситуации. Я мгновенно вошёл в контакт с потоком происходящего, сразу увидел и почувствовал «плотность тени припадка». Что неприятно вязкое и безмерно огромное метнулось в мою сторону, но тут же растворилось в объёме бесстрастной ясности и спокойствия. Девушка обмякла и упала на руки Лунёву. Тот легко перенёс её в кресло.

– Данила, иди к себе и сделай дедовское успокоительное из воды своего графина и бегом возвращайся.

Я взял пухлые ладошки девицы и очень осторожно прошёлся пальцами по основным триггерным точкам. Макаров вернулся и подал стакан с водой. Вода в стакане была насыщена им структурами лечебного сбора летних трав.

– Пейте медленно. На выдохе – один глоток. Вот так. И до дна.

С каждым глотком на лице девушки проявлялся румянец и возвращалось естественное дыхание. На последнем глотке она раскрыла глаза и удивлённо оглядела кабинет. Скромно стоявшая в углу Надежда Константиновна подала голос:

– У неё ещё пена шла изо рта...

– Цыц! Разбор полётов после... и без пациента.

Лунёв присвистнул.

– Круто!

– Ты ещё поаплодируй, парень, для полного набора. – Я наклонился к девушке, у меня перед глазами мелькнула картинка приёмной у начальственного кабинета, миловидная девушка в броском «заграничном прикиде», она подкрашивает ногти и тянется к трубке телефона: – Вы ведь секретарша Владимира Ивановича?

Девушка захлопала ресницами и кивнула.

– Вот что, милая, если не хочешь повторения такого вот страшного припадка, то оставь всякую мысль женить на себе Владимира Ивановича. Не по плечу ноша окажется – раздавит. Поняла?!!

Девушка испуганно закивала.

– А больше такое не повторится?

Макаров взял девицу за плечи и вывел из кабинета. Ко мне сразу подплыла Надежда Константиновна.

– Пришла приворожить благоверного. Я только раскладку...

– Надежда Константиновна, «благоверный» этой красавицы – её начальник – наш хенерал – Владимир Иванович.

– Корыстница!!!

Я покачал головой, понимая полную безнадёжность что-либо вразумительное объяснить этой полностью закрытой для познавательных нравоучений саре-гадалке.

– Надежда Константиновна, никогда не проводите свои сеансы в душном помещении. От духоты крышу сносит и у вас и у ваших прихожан.

Надежда Константиновна обижено скрестила руки.

– За окном мороз «песят» градусов. Я мёрзну.

– А вы шубу оденьте. Она вон какая модная. Имидж ваш ничуть не пострадает.

– Вы всё шутите, Евгений Василич...

– Ладно, всё. Лунёв, собирайте наших на планёрку. Будем закругляться.

После планёрки меня остановил Неведомский.

– Ты зачем вмешался в ход моего лечения?

Меня захлестнула волна негодования и я позволил её выплеснуть в резкую отповедь:

– Запомни, Жора, лечить здесь имеют право только двое – я и Козубовский. Свою «космосенсорную терапию» ты должен!!! согласовывать со мной.

Неведомский наклонил голову и посмотрел на меня как на возникшую перед ним букашку.

– Ну-ну... Вон как наша пташечка запела.

Несмотря на сильную усталость, я уговорил Макарова и Лунёва «промедитировать» ситуацию Анюты. Но моя медитация так и не состоялась. Как только я закрывал глаза, меня сразу же охватывал хоровод образов из хаотических картинок процессов, что возникали на терапевтических сессиях. В голове начиналось опасное кружение, к горлу подступала тошнота. Раскрыв глаза, я сглотнул тошнотворный комок. Лунёв сидел в позе «лотоса» и безуспешно силился расслабиться. Макаров сделал громкий выдох.

– Вуууух. Спасибо, дед. – Макаров оглядел меня и Лунёва. – Не знаю поможет ли это? Дед сказал, что можно перекинуть «печать навета» с девочки обратно на её мать и отца. Показал, как это сделать.

До меня не сразу дошёл смысл слов Данилы.

– Ты как с дедом связался?

Макаров пожал плечами.

– Так вот, – он показал на образок, что носил на кожаном ремешке, – у меня вот эта иконка, у деда всегда с собой моя ладанка. Главное, что бы вещь была личная. Как по телефону звонить. Но у меня не всегда получается. Дед говорит, что для соединения яви и нави «ум в чистоте и ясности держать надо».

Я кивнул.

– Ладно, ребята, и это освоим. Давайте отдыхать. Нам завтра ещё до обеда работать, а народу не убывает.

Лунёв легкомысленно развёл руками.

– Так Вы, Евгений Василич, таовйт, скажите Владимиру Ивановичу чтоб мы задержались дня на два-три и всяся. Здесь же поле не паханное. В смысле – работы – непочатый край. А я только во вкус входить начал. Столькому научился за несколько дней! В институте такой практики за год не пройти.

Перед тем как лечь спать я сделал ещё одну попытку «промедитировать» ситуацию с Анютой. С осторожностью погружаясь в расслабленное состояние, обнаружил что тошнота больше не возвращается, а болезненный калейдоскоп образных видений превращается в блеклые тени. Когда сознание погрузилось в сияющие пространства покоя, тело вздрогнуло и руки согнулись в локтях. Не выпадая из медитации, я отметил как мизинцы начали самопроизвольно вращаться, создавая разноцветные спирали, которые тут же куда-то исчезали. Я заворожённо наблюдал за непонятным процессом, а когда мелкие спирали начали сливаться в одну большую, так же самопроизвольно выдохнул и раскрыл глаза.

– Что это было?!!

И спросить-то не у кого. Детская обида на Неведомского закрыла возможность пойти к нему без промедления и «хотя бы» посоветоваться.

Утром в гостиницу приехал Владимир Иванович. Он сам «попросил» продлить сроки профосмотра ещё на три дня – в связи «с непредвиденным ажиотажем» и «заявками двух вахтовых посёлков принять их наиболее ценных работников». Владимир Иванович пообещал немедленно связаться с Протасовым и урегулировать с ним все необходимые формальности. Я согласился, но с условием, что у нас будет один дополнительный день для полноценного отдыха сотрудников.

Почти все собрались в биллиардной комнате. Лунёв и Макаров с азартом гоняли шары. Козубовский ждал своей очереди «на победителя». Женская часть бригады уехали отовариваться на торговую базу нефтяников, а я через «нехочу» пытался отвечать на вопросы молодых сотрудников. Вошёл Неведомский и поманил меня за собой. В холодном тамбуре пожарного входа он без предисловий меня спросил:

– Твоя работа?

– Ты про что?

– Ты дурака-то не включай. Ты хоть понимаешь, что такое – неделя работы в полевых условиях? Наши бравые чародейцы завтра начнут отключаться из-за обеспокоенности... А у тебя – великого гуру – от вождения крышу снесло!

Я сглотнул, понимая, что Неведомский по сути прав, но со злым упорством ещё раз спросил:

– Да ты про что?!

Жора, передразнивая мой гневный речитатив, произнёс:

– Запомни, Женя!!! Пока у тебя *обстоятельный уровень* не *тело*, а ещё только плохо *структурированное поле*, ты можешь в лучшем случае этими обстоятельствами рулить. Что-то менять или подменять ты сможешь только после того, как полностью преобразуешь *полевые структуры* в определённую форму. Попытаешься вклинить со своими мышами в голову в ход *действительности*, встретишься со *стражем времени*. А он *цену* назначит за любое изменение такую, что мало не покажется.

Мне показалось, что Неведомский во время своей отповеди начал впадать в пространную задумчивость. На слове «цена» он встрепенулся:

– И руками своими в астрале в безголовом состоянии не маши, а то эти руки оторвут и приставят к более соответствующему месту. Кстати тебя в гостиной Анята дожидается. Чего ты ей наобещал?

Я в состоянии полного замешательства отвечать не стал. – «Откуда он про руки узнал?». – Выскочил в коридор, и «всё так же в безголовом состоянии», в радостном предвкушении встречи, устремился к Аняте.

Она сидела в пустом зале гостиной, небрежно сбросив рядом с собой соболью шубку. Взгляд её был устремлён куда-то в себя и моё появление Анята заметила не сразу. Я так был поглощён своими восторгами, что настроение девушки от меня ускользнуло.

Отстранённо выслушав мои предложения по возможным вариантам лечения, Анята покачала головой.

– Мне одинаково дороги и мама и папа. Чтобы они не наделали, я совершенно не хочу их страданий в настоящем (Анята сделала твёрдый акцент на словах «совершенно не хочу»). Со своими уродствами (Она сделала нажим на слове «уродствами») я буду справляться сама. Своих детей я предавать не стану! (Она выделила слово «своих»).

Любуясь её печальным лицом, я попытался взять ладони Аняты в свои.

– И спать с вами, Евгений Васильевич, я не буду. Через месяц я выхожу замуж. Мой будущий муж – очень хороший человек. А Вам... огромное спасибо. Вы мне помогли сделать свой выбор (Анята сделал ударение на слове «свой»).

Я был оглушён услышанным. Оглушён и унижен. Я чувствовал себя как подросток застигнутый за постыдным рукоблудием. Что-то ещё не ставшее моим в одно мгновение исчезло, растворилось в небытии!!! Пробормотав нечто невнятное, походкой крепко выпившего человека, я побрёл в сторону своего номера. За спиной раздался громкий скрип отодвигаемого и падающего стула. И я услышал до боли желанный голос:

– Жень!!!

Но я не обернулся. Меня раздирало на части отчаяние, переживание унижительного позора и волны запоздалого прозрения.

«Так это всё фальшь, лицемерие!!! Называю себя экстрасенсом, а сам... Прав Жора, прав! Головы нет! Вместо неё жопа или хрен мохнатый!!! Ещё претендую на какие-то постижения каких-то вышних истин! А сам по уши в болотной трясине примитивных инстинктов. Не-е-ет, это даже не дешёвое шоу, а оперетка, в которой я исполняю дворовые шлягеры в три аккорда и танцую без штанов, но вид делаю, что на мне мундир с орденами» ...

К вечеру я понемногу успокоился для того, чтобы ответить себе на вопрос: Ещё три дня работы. Как я «весь из себя разоблачённый» смогу позволить вести приём и лечить людей, да ещё и некими неакадемическими методами? На грани засыпания я решил, что все оставшиеся дни буду вести приём как обычный врач терапевт. По крайней мере в этом честь моего мундира покамест не запятнана.

Совершенно неожиданно ко мне на помощь пришло мироздание. С утра большая часть посетителей были из числа бюджетных работников. И у наших кабинетов сидели в ожидании учителя местной школы, воспитатели детского сада, продавцы магазинов, служащие почты... Я, скрепя сердце, пригласил в кабинет пожилую женщину и общался с ней чуть больше положенного времени. Пока она с каким-то заблаговременным извинением в голосе рассказывала о своих проблемах со здоровьем, я посмотрел что можно сделать для этого конкретного человека. Так сделать и такое, чтобы не встал на дыбы её охранительный гомеостаз. Конечно, застарелый букет болезней был стандартным набором: гипертония, компенсированный гастрит, слабость венозных клапанов в области икроножных мышц и т.п.

Пожилая женщина была учительницей местной школы. Она сидела на стуле прямо, с редким для нашего времени достоинством, о вещах сложных и по сути драматичных говорила простым языком, но в каждом её слове присутствовал объём внутренней культуры и подлинной красоты. Моя помощница (В.И. распорядился придать нам для работы несколько сестёр местной медсанчасти) уже измерила пульс, сняла данные кровеносного давления и передала мне наполовину заполненную карту. С оглядкой на ожидающих в очереди других посетителей, я кратко но содержательно изложил своей не совсем обычной пациентке возможную стратегию и тактику дальнейшего лечения, напрямую привязанного к реалиям её повседневности, выпи-сал необходимые рецепты и другие рекомендации.

По завершению приёма женщина некоторое время смотрела на меня «тёплым взглядом любящей матери».

– Вы знаете, доктор, я работаю учителем начальной школы больше пятидесяти лет, но впервые в жизни в медицинском кабинете со мной общаются по человечески. Я почувствовала, что Вы уделили внимание мне не как к «одному из очереди», а именно мне. И это было впервые! Я не знаю, что Вы ещё сделали, но меня перестала мучить постоянная боль в груди возле сердца. Я уже не говорю про ноги. Они плохо стали держать и мне приходится часть урока присаживаться на стул. Я как будто приняла очищающий душ, который смыл с меня много-летнюю липкую грязь и своё тело сейчас ощущаю не как скрипучую телегу. В нём появилась давно забытая лёгкость молодости. Но главное всё же не это! Вы меня сегодня укрепили в вере в людей. Что для них ещё не всё потеряно, если их лечат такие врачи как Вы. Спасибо Вам!

Женщина поклонилась и вышла. Я обернулся на тихое всхлипывание. Медсестра смотрела на меня с мокрыми от слёз глазами.

– Вы знаете в нашем маленьком городке три человека пользуются авторитетом: Владимир Иванович, директор распределительной базы и Надежда Сергеевна. У меня дочь учиться у неё и называет её мамой. Мы Надежду Сергеевну очень любим и молимся за неё, чтобы ей хватило здоровья хотя бы на ещё один год работы. Столько добра она делает... Я не заметила – Вы её тоже полечили, – она покачала ладошками, – ну ... как экстрасенс?

После происшедшего я сам ощущал себя как после очищающего душа и ко мне вернулось текучее вдохновение. Я улыбнулся.

– Тоже, тоже, Лида. И мне совсем не обязательно водить руками или плясать вокруг пациента.

Лида закивала, вытирая слёзы.

– Спасибо Вам, Евгений Васильевич!

– И Вам большое спасибо, Лида, за поддержку. Давайте приглашайте следующего.

Неведомский оказался прав. Нарастающая усталость заставила снова применять методы биоэнергетической коррекции. Многие посетители приходили, конечно, из-за банального любопытства, но хватало и таких, что приносили с собой толстые пачки с данными обследований, которые толком не разъяснялись моими коллегами, что никак не помогало больным делать шаги к своему излечению. Поэтому приходилось исправлять недопустимые ошибки и много времени и сил тратить на разъяснения, прояснения, а подчас запоздалую терапию. Я начал терять счёт времени. Казалось, что очередь перед кабинетом никогда не кончится. Но под вечер, как всегда без стука, ко мне ворвался взъерошенный Лунёв.

– Где?! Где он?

От усталости я не смог на Лунёва рассердиться.

– Кто?!!

– Да мужик этот! На костылях!!! Данила сказал, что он видел, как Вы его лечили! Он что, правда, левитировал? Вышел от Вас своими ногами!!! Покажете, как это делать!?

Я отмахнулся от дурацкого восторга Лунёва и спросил:

– Какой сегодня день?

– Так среда. Завтра улетаем. Да вы не беспокойтесь, Евгений Василич, у нас осталось пара повторных пациентов. Коридор-то пустой!

Я непонимающе потряс головой.

– Пустой? Славабогу! Ты иди пока, заполошный. Передай всем, что планёрку завтра проведём, а то я уже «кыш» сказать не могу.

На пороге Лунёв обернулся и многозначительно поднял палец вверх:

– И слепые прозреют! И хромы пойдут! И мёртвые воскреснут!

Но моё вдохновенное настроение продержалось недолго. По дороге в Москву нелётная погода задержала нас в Ханты-Мансийске. В здании маленького аэропорта было невыносимо холодно, Козубовский созвонился со своим знакомым и мы разместились в здании школы. Ребятишки гуляли на каникулах. В коридорах и классах царила пустота. После сытного обеда вся бригада экстрасенсов собралась в учительской. Узнав об этом директриса упростила Козубовского посмотреть завуча.

Женщина оказалась «классическим образцом» завуча – внешне строгой, с внимательным, цепким взглядом и резкими движениями. Однако бросалось в глаза, что она при ходьбе невольно прикладывает ладонь к правому боку и морщится.

Козубовский оглядел пребывающих в беспечной расслабленности коллег.

– Вот, прошу любить и жаловать – Екатерина Николаевна. Местные врачи направляют её на лечение в областную больницу. Директор попросила нас помочь в определении диагноза.

Чтобы не смущать Екатерину Николаевну большим скоплением незнакомого народа, я предложил Макарову, Лунёву и Козубовскому перейти в её кабинет и осмотр проводить там. По моему мы тогда даже не представились, а сразу «включили внешний антураж экстрасенсов целителей». Лунёв, как подзорную трубу выкручивал середину лба, изображая подключение к работе «третьего глаза», Макаров прищурился и с пыхтением принялся «сканировать» этажи энергетического кокона. Козубовский без церемоний начал искать ладонями зоны возможных патологий. Я же, не поднимаясь с места, тупо воззрился на «очередного клиента».

Екатерина Николаевна терпеливо дождалась пока мы не завершили свои исследования.

– Может вам что-то рассказать, доктора?

Козубовский задал несколько дежурных вопросов, я же сидел на месте с трудом сдерживая зевоту. Лунёв тряхнул головой и заявил:

– Всё ясно! Психосоматический букет Александэра...

– Да что ты говоришь?! – Макаров как «заправский ясновидец» изобразил на пальцах кривую загогулину. – Здесь дефекты, шейного и грудного отделов. Нужно позвонки на место поставить и воспаление убрать!

Я догадался прекратить профанацию медицинского консилиума.

– Екатерина Николаевна, у Вас выписки и направление с собой?

– Да, конечно.

Завуч достала из верхнего отделения стола пачку документов и протянула мне. Местные врачи качественно и совершенно по делу провели лабораторные исследования и установили простой и ясный диагноз хронического холецистита, возможную патологию почечных лоханок и острое воспаление придатков. Не убавить – не прибавить. Читая заключение коллег, я даже обрадовался, что чуть сам не разразился «псевдомедицинской чушью», даже не удосужившись оторвать задницу от стула.

– Екатерина Николаевна, здесь всё предельно ясно описано. В областной больнице Вам проведут соответствующее лечение и назначат санаторно-курортный курс физиотерапии. Если для Вас есть непонятные моменты, то задавайте вопросы.

Екатерина Николаевна вздохнула.

– Да уезжать на два месяца посреди учебного года совсем не хотелось бы. Директору сейчас одной не справиться. Мы и так часть учеников в третью смену перевели. Как продлёнку,

конечно. Маргарита Никитична сказала, что вы «чудеса» творите. Вот я и согласилась к вам обратиться.

– Екатерина Николаевна, Вы подождите в коридоре. Мы сейчас посоветуемся с коллегами – что можно сделать.

Мысли мои медленно и тяжело барахтались, не желая разворачиваться в доступные понятия. Я оглядел «коллег».

– Алексей, тут врачу нужно разруливать. Так что давай ты.

Козубовский замахал руками.

– Да ты что! Меня в этой школе как облупленного знают. Я ж в ней последние три класса заканчивал. А Екатерина Николаевна у меня литературу и русский вела.

– Неведомский где?

– Он в аэропорту остался дежурить. – Козубовский нахмурился. – И он не врач...

Я с видом обречённого тяжело вздохнул.

– Ладно, возвращайтесь в аудиторию. И не расходитесь, пожалуйста. Алексей, ты пригласи Екатерину Николаевну.

Всё время разговора с завучем я чувствовал себя старшеклассником, который притворился чудотворцем – притворился неумело и был разоблачён, а теперь так же неумело доигрывал дурную пьесу. Поэтому я начал без предисловий выгораживать и оправдывать свою неспособность.

– Екатерина Николаевна, даже если применять передовые методы медицины (я сделал акцент на словах «передовые методы медицины») – на это тоже потребуется время, а у нас транзит до Москвы. Вам всё равно придётся проходить длительный курс лечения, а потом и реабилитации. – Мне хотелось выбежать из кабинета и спрятаться от строгого взгляда завуча где-нибудь подальше от школы. – У Вас приступы почечных колик уже были?

Екатерина Николаевна кивнула:

– В последнее время – каждый день. У меня и сейчас в боку сильно колет. Я уже две таблетки «Ношпы» выпила.

– Ну вот... Я постараюсь вам спазмы снять и их не будет недели две. Но лечиться всё равно придётся основательно.

Екатерина Николаевна покачала головой.

– Не утруждайте себя. Я Вас поняла. Тем более, что раздеваться мне не хочется. В школе сегодня прохладно. А я только после простуды.

– Раздеваться не придётся. Садитесь рядом со мной и закройте глаза.

Преодолевая внутреннее сопротивление я как штангист на помосте поднял отяжелевшие руки и кругообразными движениями прошёлся вдоль позвоночника, остановив на некоторое время ладони над областью печени.

«Кошмар какой! Ничего не чувствую».

– Пока всё. Какие ощущения?

В это время в дверь заглянул Козубовский.

– Евгений Васильевич, звонил Неведомский. Наш рейс объявили.

Екатерина Николаевна открыла глаза.

– Боль ушла. Только тяжесть осталась.

У меня возникло впечатление, что Екатерина Николаевна подыгрывает моему желанию поскорее закончить неприятную ситуацию, поэтому говорит только то, что я хотел бы услышать.

– Я сейчас попрошу своего сотрудника сделать для Вас специальный раствор...

Екатерина Николаевна, прерывая меня, подняла руку.

– Пожалуйста, ничего не нужно. – Она встала и подошла к окну. Внизу в ожидании меня собралась вся бригада отъезжающих и что-то громко обсуждала. – Скажите, Евгений Васильевич, а из Серёжи хороший врач получился?

Я с виноватым видом остановился на пороге и у меня наконец-то получилось честно ответить на вопрос:

– Из него может получиться хороший педиатр. Время, конечно, покажет. Но дети его любят.

Екатерина Николаевна кивнула.

– Да. Серёжа никогда не повзрослеет. Всего доброго Вам и... спасибо.

В аэропорту выяснилось, что наш рейс задерживается ещё на два часа, но в город никто не захотел возвращаться. Вся наша бригада «командированных экстрасенсов» столпилась у стойки регистрации, а я уединился у наполовину замёрзшего окна с видом на пустое взлётное поле. Мысли вяло текли. Они несли настроение уныния и постыдных воспоминаний. Но внимание не цеплялось ни за одну из них и весь процесс был похож на нескончаемый поток сточных вод по трубам канализации.

Я услышал знакомый голос. Рядом со мной остановился Неведомский:

– Похоже твоя голова вернулась на место?

Мне ничего не хотелось отвечать. Я так устал, что даже не испытал раздражения, что Жора так бестактно прервал моё одиночество.

– Хватит кормить элементарей скорби своей жизненной энергией. Вон у тебя уже круги под глазами. Пойдём лучше в буфет. Я попросил повариху заварить для тебя нормального чая. Сказал, что ты великий композитор и что у тебя только что триумфально провалился концерт перед местными чукчами. Не поняли они твоей великой музыки. Ладно, ладно, не дуйся. Буфет вон за тем углом.

Он взял меня под локоть и слегка подтолкнул. На сопротивление у меня сил не было.

После первого стакана горячего чая мне легчало настолько, что я готов был выносить общество Неведомского ещё два часа.

– Ты уже въехал в тему *чувства собственной важности*?

Меня внутренне покорило от предчувствия, что Неведомский вновь заденет какую-нибудь болезненную струну моих и без того расстроенных чувств.

– Да. Было как-то. Мишаня давал читать рукописный перевод.

– Это всё Полежаев старается – расширяет область знания *новых толтеков*. Есть, конечно, изложения попроще, но и твоё сгодится. Вот ты сейчас похож на замумифицированного курёнка. Кто так укатал тебя, о великий целитель? Можешь не напрягать свои академические мозги – это оно и есть – «Че. Сэ. Вэ.» – *чувство собственной важности*. Её работа. Именно оно возит вот так мордой по столу – от непомерного самомнения до переживания полного ничтожества.

– А чего ты вдруг такую заботу за моё просвещение проявляешь и именно сейчас?

– А ты пей, чаёк, пей. На себя то совсем не смотришь? Чего курёнку «сейчас» больше всего хочется? До какого-нибудь насеста доползти и там отлёживаться? Ты без недели год как соприкоснулся с эзотерической стороной жизни, но так и не понял, что *цена за знания* в этой сфере совсем другая, чем за постижение медицинской или любой другой общественной науки. Там ты платишь временем и своим усердием, здесь же валюта другая...

Из меня вновь попытался вылезти образованный циник:

– Это какая «другая»? «Здесь» усердие уже не в ходу?

Жора ткнул на меня пальцем.

– Да вот такая! Посмотри на себя! Ты уже на второй день работы спать нормально не мог. Не в спасительный сон, а в кошмары погружался! За узнавание *сокрытого* и за привнесение

его в мир людей ты платишь своей *жизненной энергией*. Той самой, что даёт тебе возможность думать, чувствовать, дышать. И, что эта энергия не безгранична тебе известно?

Мой циник куда-то юркнул, уступив место очень слабой, но почему-то клочущей жажде разобраться в моей болезненной усталости, мало схожей с усталостью после суточных дежурств на «скорой», по хирургии или в поликлинике во время вирусных эпидемий. Напоследок «циник» успел вставить свои «три копейки»:

– Ну да, *базовый аккумулятор* и то, что на день – *оперативный*.

Неведомский нахмурился, что-то соображая.

– А-а, ты таким описанием вооружился... Ну, тем лучше. Ты хоть и неординарного склада человек, типа, «экстрасенс», но всё одно устроен так, что ходишь под спудом писанных и неписанных законов. Это ты в поликлинике можешь и обязан принять всех желающих полечиться. Рецепты выписываешь, рекомендации раздаёшь, а «здесь» ты *целительством* занимаешься... *Целительством!* Понимаешь?! *Лечить* и *исцелять* – из разных опер вещи. В целительстве всех желающих через себя не пропустишь за раз. Иногда на одного твои затраты месяцами восполняются...

– Подожди, подожди... Ты же сам называешь себя «космосенсом». Творишь благо и космос тебе даёт на это свои безграничные ресурсы. Сам ты не тратишься! Да что «не тратишься» – тебе «примыток какой» космос отваливает, как Надежда наша Константиновна говаривает.

Жора досадливо поморщился.

– Про «Крупскую» и иже с ней невежд от эзотерики отдельный разговор. Ты же вроде как стезю осознания *законов истины* избрал?

Мне возразить было нечего, даже иронизируя над собственным невежеством Неведомского. Жора это увидел.

– Ты где-нибудь видел, чтобы деньги бесплатно раздавали? Риторический вопрос? Да, если кто даёт, то под проценты. Никак иначе. Дай страждущим денег запросто так, кто из них дармовым займом мудро распорядится? Единицы, не так ли, товарищ гуру? Большинство эти деньги проср... ну, растратит... И, в лучшем случае, без вреда для своего и общественного здоровья. Но, обычно, незаработанное богатство это опасное искушение.

– Связи не улавливаю, Жора.

– *Правила* есть, Евгений, в каждой Игре. А в целительстве, использующим сокрытые знания, – эти *Правила золотые*, потому как оплачены нашими предшественниками самой дорогой ценой. Одно из них – *не можешь ты брать на грудь больше того, чтобы после твоих усилий по лечению близких своих жизненных сил оставалось с небольшим избытком*.

Я вновь невольно нахмурился.

– А избыток то для чего?

– А на тебя самого, родимый. Себя то ты почему со счетов списываешь? Или ты уже будда всеблагой? Не-е-ет, братик, – Жора описал пальцем окружность вокруг моего лица со следами измождения, – ты человек о-о-очень далёкий от идеала. Тебе ещё на самого себя сил должно оставаться, на решение личных проблем. А избыток всегда нужен на непредвиденные расходы. Наша жизнь каждый день чего-нибудь да подкидывает из своих экстремальностей.

– Ну, это кто, по твоим же словам, *играет на поле жизни* как экстремал. А кто размеренно живёт, рачительно...

– А ты «размеренно» живущий? Ты по жизни-то сейчас чем занимаешься? А? И сколько экстрима ты устроил вот в этой командировке?

Я воззрился на Неведомского непонимающим взглядом.

– О, да ты, действительно, пока далёк от вменяемости. – Жора покачал головой. – Да, парень. А кто с милашкой шуры-муры начал крутить «посреди рабочего процесса»? Кто работал за себя, за того парня и за всю советскую медицину как настоящий стахановец?

До меня начал покамест смутно, но доходить смысл слов Неведомского.

– А причём тут *чувство собственной важности*?

– Как на вашей латинской мове звучит характеристика современного человека? Гомо сапиенз?

– Ну?

– А что нынешнее человечество – сапиенс? Не-е-ет, дорогой мой Евгений. Сапиенсами нам только предстоит стать. *Разумение* – это как раз *качество жизни*! Это качество совсем другого взаимоотношения с Жизнью (Неведомский сделал акцент на словах «взаимоотношения с Жизнью»). Пока нет такого качества у человека как *Разумение*. Покамест бал современной цивилизации правит *чувство собственной важности*.

Я искренно признал своё непонимание, разведя руки в стороны. Неведомский подлил мне из своего термоса «хорошо заваренного чая».

– Ты пей, пей, отпаивайся. Для *человека неразумного*, Женя, недоступны многие вещи. Например, *чувство меры*. Ведь, если бы ты пользовался своим *Разумением*... А оно у тебя уже начало проявляться, иначе ты бы со мной не смог вот так говорить, *слушать* и *слышать* мои аргументы. Ты бы никогда! ни при каких обстоятельствах!!! не совершил бы того, что произошло за эти дни нашей командировки. Никогда бы не довёл себя до опасного истощения *жизненных сил*! И не позволил подобного сделать другим участникам нашего с тобой вояжа. Ты ведь не просто израсходовал свою *жизненную энергию* из её аккумуляторов, предназначенных для повседневности, а ты залез в *базовую матрицу*, энергия которой невосполнима. Считай, что профукал несколько лет жизни. От полноты *базового аккумулятора жизненных сил* зависит продолжительность жизни человека и его здоровье.

Я некоторое время раздумывал.

– А зачем Полежаев, наверняка знающий про эти закономерности, послал нас в такую командировку?

– Это ты у него спросишь. Но я думаю тут Протасов старается. У него свои думки. Он такими командировками связи устанавливает с теми, кто доступ к немереному «баблицу» имеет, чтобы бюджет у института пополнялся и слава соответствующая. А у кого доступ к бюджету?

Вся картина происшедшего вдруг начала для меня переворачиваться в более понятном ракурсе и проясняться из своей хаотичной круговерти.

– А как *Разумение* включается?

Неведомский удовлетворённо хмыкнул.

– Да вот так, – он снова показал на меня пальцем. – Ну, конечно, перед этим включением ты начал жить с интересом узнавать «а как жизнь на самом деле устроена». У вас – у врачей – это кажется называется феноменологическим подходом. То есть каждый врач должен научиться свои фантазии сводить с фактами реальности. Ну, отделять мух от котлет. И, если он не будет руководствоваться таким подходом в своей медицинской практике, то причинит пациенту вред. Диагноз там не тот поставит, отрежет не то, или пришьёт не так. Чего уж говорить про тех, кто устремляется на манящее пламя эзотерики? Здесь без включения *Разумения* ты быстро голову сломаешь да и бед можешь натворить не малых.

– Разумение – это способность пользоваться своим умом?

– Да не только. – Неведомский пожал плечами. – Ты ж про ведических лошадок уже узнал. Там ещё и чувства, и тело... Всеми семью сферами восприятия человека. Это вообще способность рулить всеми процессами своей жизни в каждый момент её времени. Включи ты своё Разумение хотя бы пару дней назад и увидел бы то, что и так очевидно. Ну, например, если к тебе человек приходит и просит: ой полюбите меня, дяденька экстрасенс, пришлите мне голову обратно, а то мне её граблями отшибло давеча.

И, что ты делаешь? Ты ж *чувством собственной важности* вознесён в ранг кудесника и не можешь позволить себе обосраться – пришиваешь с энтузиазмом полного идиота. А это

безголовый выходит от тебя и опять на те же грабли наступает. Ты голову-то ему пришил. Честь тебе (верней твоему *чувству собственной важности*) и слава! А *разумения* у этого бедолаги как не было, так он по жизни и дальше без него прёт, ничему у своей жизни не научаясь. Другое золотое правило целительства гласит: что, *если человек тебя о чём просит, то «давай ему по силам разумения его»*. Ну, то есть что просящему во благо будет, а не в продолжение его неразумной жизни.

Люди без *разума* спят наяву. (Меня словно пронзило током: «Да! Это и есть природа спящего человечества!») Они мир воспринимают через дуальность призм *чувства собственной важности*. *Разумение* позволяет проснуться к *действительности* и видеть всё её многообразие проявлений уже в объёме трёх мерности, то есть в объёмности Живого, а не как картинку Его чёрно белого отражения.

Достаточно посмотреть на нашу с тобой современность. Умных и образованных много. Много! Разумных не хватает. Человечество изобретает сложнейшие аппараты и запускает их в космическое пространство. При этом накапливает и совершенствует ядерное оружие. Скажи мне, гуру Еня Лу, разве будет разумное существо пилить сук на котором само сидит?

Ты ведь уже по своей практике врача понял, что даже страдания человека ничему не учат. Увы, нет! Они только дают ему возможность обретать своё Разумение – учиться не наступать на одни и те же грабли. Ты свой чай допил? Пойдём я тебе кое что покажу для «наглядности».

Неведомский вывел меня в зал ожидания и показал на собравшихся возле стойки регистрации наших сотрудников.

– Вот посмотри на «Крупскую».

Надежда Константиновна в новом цветастом платке, что успела отоварить на распределительной базе для нефтяников, стояла немного в стороне от громко беседующих Лунёва, Макарова и Козубовского и ревниво прислушивалась к их разговору.

Я вспомнил, что у меня сложилось стойкое впечатление о болезненной мнительности Надежды Константиновны. Любая беседа, что затевалась по какой-то актуальной теме происходящего, ею воспринималась как очередное «промывание косточек» лично ей, что собеседники опять собрались только для того, чтобы посудачить о ней, родимой, и что говорят про неё нечто «опять скоромное и опять непотребное».

– *Чувство собственной важности* Надежды Константиновны воздвигло трон «королевы сокрытых тайнств». И она, с неусыпным упорством параноика, бдительно следит чтобы на этот трон никто не посягнул ни словом, ни делом. И видит она мир сообразно этому фетишу. С мужем её ты знаком? Нет? Мужа она себе подобрала подстать: хозяйственный, домовитый, руки у него откуда надо растут, но он – «ванька на побегушках», «послушный холоп возле трона».

Вон – Козубовский. Его *чувство собственной важности* играет с ним злую шутку. Он старается всем понравиться, всем угодить. Узнает, что его собеседник из донских казаков, так и он казацкого рода. Выходцу с Алтая он заявит, что сам потомственный бурят и корни у него сплошь буддийских верований. Профессору Дорогину говорит, что он его ученик, Полежаеву – что его, а тебя, конечно, он заверил что нет более ревностного адепта твоего Пути, чем он. Так ведь? До Протасова пытается добраться, чтобы быть поближе к сонму избранных.

Лунёв – тот ещё попрыгун. У него – семь пятниц на неделе. Он тебе сейчас в рот заглядывает, каждое слово ловит, а как начнётся у него самого что-то «получаться», так он тут же распнёт своих учителей и объявит их опасными еретиками.

– Это почему?

– Эх! И тебя что ли ничему история не учит? За что Христа распяли, а ближайшие соратники поспешили отречься, хотя знали Он – Сын Божий, без бэ. Неудобен Иисус стал их *чувству собственной важности*, не вписался в привычную картину мира. Он ведь свет Истины

нёс, а не то, чем привыкли жить «добренские самаритяне» – Её чёрно-белым и перевернутым отражением.

Макаров – тот вырос в среде самодостаточности. Он в этом мире как рыба в воде. Слушай, что с институтом, так Данила и водителем такси неплохо будет зарабатывать, а на досуге книжки умные читать. Его *чувство собственной важности* это беспощадный страж на Пути непредсказуемости Живого и невозможности никакими сверх способностями это Живое контролировать.

Неведомский поднял палец вверх.

– О, кажись нужный рейс объявляют. Про наших костоправов я рассказать не успею. Да это и не нужно. Примеров тебе, я думаю, хватит.

Я поймал его за рукав.

– Подожди, Жора, а где же твоя Разумность? Ты сам в передовиках ходишь. У тебя у самого по десять-пятнадцать приёмов за день работы.

– А ты что полагаешь, что я ко всем свои экстрасенсорные способности прилагал, – Неведомский изобразил пассы руками, но тут же показал кукиши. – Нееет, дорогой мой Евгений, я всё больше косточки на место правил. Только заместителю Владимира Ивановича исключение сделал.

– Я то думал, что ты его окучиваешь в корыстных целях.

Неведомский недобро на меня посмотрел.

– Индюк тоже думал, да в суп попал. Я его заставил с печи тёплой и удобной слезть. И чтобы он за моей помощью бегать начал. Хоть ножкой бы пнул слоника своего невежества. Не займётся своим *разумением* – в следующем году от рака помрёт. Место он занимает не своё. Ему бы детишек в школе физкультуре учить, а он за деньгой погнался.

Но, вот ты, своими «чудодействиями» кого-нибудь из прихожан по настоящему исцелил? Хотя бы одного? Нет, спору нет, любопытствующих ты удовлетворил по «самое не хочу». А так чтобы, хоть кто-то после твоих терапевтических изысков начал бы жить в «здравом уме и в доброй памяти»? Разве стоили несколько лет жизни твоих подчинённых да и твои затраты – произведённого «на гора» эффекта? Вопрос риторический? А вот Протасов со товарищи положат на свои счета очередную кучу бабла и откроют новые двери к власти имущим. Цена вопроса, Евгений, цена вопроса...

Я впал в глубокую задумчивость. Неведомскому пришлось поддерживать меня за локоть. В накопителе я не удержался и спросил его:

– А зачем ты запрещал мне снимать боль после твоих манипуляций? Ты ведь и сам можешь безболезненно лечить...

– А всё для того же, что, хотя бы, постоянное ощущение боли заставляла страдальца оставлять своё внимание на своих болячках. Это позволяет сохранять хоть какой-то шанс, что вместе с «чудесным исцелением» человек не продолжит и дальше своё слепое шкандыбание по Дороге Жизни. А вы своими чудесами низвели таинства исцеления до уровня услуг цирюльника. Теперь они будут полагать, что экстрасенс – тоже из сферы бытовых услуг. И что это как сходить пописать или высморкаться.

Лишь на трапе самолёта я вдруг ощутил, что ноги мои перестали подгибаться и путаться. Я вновь могу идти самостоятельно и свободно. Казалось бы после такой беспощадной критики мне должно впасть в ещё большее уныние, а я сбросил с себя тяжкое бремя упадка сил и истощённости рассудка.

«Так вот в чём смысл подлинного лечения человека! А все мои эзотерические познания лишь дополнительная помощь в том, чтобы лучше проходить препятствия в создании возможности человеком воспринимать мир в *осознанности* и с *разумением*!!! Надо в полёте как следует всё обдумать».

Но стоило мне сесть в кресло и пристегнуть ремни, как я тут же провалился в яркое сновидение. В нём мне открылось бескрайнее море колышущегося степного ковыля. Под лучами солнца его изумрудные волны накатывали на одинокую фигуру безумно красивой женщины. Её эбонитовая кожа манила к себе наслаждением прикосновения. Женщина повернула ко мне своё лицо с чертами египетской Нефертити.

«Анита?!! Я навсегда потерял тебя!»

Я ощутил накатывающую из-за спины Аниты угрозу. Огромная чёрная змея устремилась к нам. Неумолимое извивание тела аспиды завораживало надвигающимся ужасом смерти.

«Анита!»

Я выбросил свои ладони вперёд, чтобы предотвратить неизбежное.

«Анита!!! Оглянись!»

Я вздрогнул всем телом и очнулся в мерном шуме моторов самолёта. Повернув голову, я увидел, как на соседнем кресле сладко потягивается Козубовский. «Значит я кричал только во сне. Слава Богу!». Мерный шум моторов плавно изменил своё звучание и из динамиков зазвучало привычное:

– Уважаемые пассажиры, наш самолёт начинает снижение. Просьба пристегнуть ремни...

На перроне меня догнал Неведомский.

– Женя, поехали ко мне. Люба (жена Неведомского) будет рада нас видеть. Она почему то выделила тебя из круга моих знакомых. А ты мне по дороге расскажешь чевой-то тебя так женщины привечают?

– Спасибо, Жора, но я сразу в институт. Не хочу задерживаться в Москве. Дня за два дооформлю протоколы и к своим.

Неведомский пожал плечами.

– Как знаешь. Испытание *разумением* ты прошёл. Можно быть за тебя спокойным.

Я от души обнял Жору и зашёл в салон автобуса. Тогда мне было ещё неизвестно, что этот автобус повёз меня в совершенно новую жизнь.

В офисах лабораторий НИИЧаВо я никого не застал и сразу спустился в подвалы технического обеспечения. Пушилин колдовал над каким-то диковинным манипулятором. Он обрадовался мне как будто мы давным-давно не виделись.

– Вы что, Евгений, с курорта? Аж светитесь. Я думал, что после северной каторги, устроенной Протасовым, ваш коллектив экстрасенсов мне придётся ехать эвакуировать.

– Вы как в воду глядите, Михаил. Чуть катафалк для меня вызывать не пришлось. Но Жора Неведомский оказался моим ангелом хранителем.

Пушилин, не скрывая удивления, недоверчиво прищурился:

– Жора?! Ангел хранитель?! Я всерьёз опасался, что Жора с вами едет только для того, чтобы устранить молодую поросль конкурентов. Завёз бы восходящие звёзды советской экстрасенсорики в таёжные дебри и со словами: «Так не доставайтесь же вы никому!» – оставил тонуть в болоте.

– Шутите? Значит живы! Только там, по моему, уже тундра. Хотя я за пределы гостиницы не выходил. Некогда было...

«Действительно, – подумал я, – как будто за эти две недели целая жизнь прошла». Я ощущал проявившуюся взрослость. В эту злополучную командировку уехал «молодой, несерьёзный попрыгун», а вернулся «ветеран астральных войн», в одночасье утративший безответственную наивность и беззаботность юности.

– Кстати через два часа в головном офисе начнётся научный совет. Полежаев уже два раза звонил, просил передать, чтобы Вы успели с ним переговорить до его начала. Видимо хочет дать «ценные указания». После головомойки приезжайте сюда. Я Вас, Евгений, дожусь. Чаю попью. Расскажите о своих приключениях.

Я с любопытством задержался возле механической руки-манипулятора и уважительно покачал головой.

– А это что? Ты работа экстрасенса нам на смену собираешь?

Пушилин отмахнулся.

– Не-е, – он усмехнулся, – хотя мысль интересная... Точно! Сразу кучу проблем можно будет устранить. Протасову удастся разрешить Тему накопления денег без того, чтобы оплачивать услуги кучки плохо контролируемых дармоедов... Но – нет, покамест это, Евгений, корейцы предложили усовершенствовать их роботизированный конвейер. На альтернативной основе, конечно. Они всё на наших кулибинных облизываются. Им для совершения научно-технического рывка нужны золотые руки, светлые мозги и ...

– ... и подобно Протасову – не оплачивать труд кучки дармоедов.

Мишаня грустно усмехнулся:

– Во-во.

Но увлекающийся Мишаня как всегда ошибся во времени. Когда я приехал в головной офис, научный совет шёл уже больше часа и в «предбаннике» я пребывал недолго. За столами президиума восседал весь ареопаг нашего института. Я удивился, что у меня не было никакого страха, никакого почтительного трепета перед внушительным авторитетом очень солидных дяденек. «Разнос так разнос, – думал я, готовясь к самому для себя худшему. – Дочь Владимира Ивановича не вылечили. Подробностей для отчёта о работе других членов бригады я узнать не удосужился. Сам же вместо «ударного труда» адюльтер устроил. В общем, соболей не настреляли, мехов не привезли. Плаха, так плаха». Но вместо этого Протасов, потрясая какими-то бумагами, разразился словами похвалы.

– Вчера встречался с начальником главка. По итогам вашей командировки с институтом готовы заключить долгосрочный договор на медицинское обслуживание вахтовых городов нефтегазовой отрасли. Да и другие перспективы сотрудничества появились. Сам Владимир Иванович просил премировать Вас лично за «особые услуги». Ну это Вы, Евгений Васильевич, постарайтесь отразить в отчёте. Что уж Вы такого совершили, если генерал в качестве премии Вам предлагает автомобиль «Мерседес».

Полежаев поднял руку.

– Я думаю члены совета не будут возражать, если мы вместо «Мерседеса» приобретём микроавтобус для лаборатории технического обеспечения? – Сергей Иванович посмотрел на меня и сделал многозначительное лицо. – Да и, Евгений Васильевич, возражать не будет. Не будет?

Я развёл руки. «Ага, вот так одним мановением руки меня лишили своего первого личного автомобиля».

– Ну вот. Мы премируем его поездкой за границу. Пусть свозит под тропическое солнце свою семью. А то жёны некоторых сотрудников ко мне с претензиями обращаются, что их мужья чаще в командировках время проводят, чем в семье.

Члены совета рассмеялись. Протасов, улыбаясь продолжил:

– Мы приняли решение назначить Вас, Евгений Васильевич, директором регионального отделения Института Эниологии. Предварительная договорённость со Свердловским обкомом уже достигнута. Вашим научным руководителем будет профессор Дорогин. Оформляйте документы, подбирайте штат. После открытия счетов, – Протасов кивнул в сторону финансового директора, – Валентин Андреевич переведёт необходимые суммы на обустройство. А Сергей Иванович поможет Вам запустить работу научно исследовательских лабораторий. Будем осваивать Урал, уважаемые коллеги!

Протасов торжествующим взглядом оглядел членов научного совета.

– И вот что, Евгений Васильевич, вашему институту доверено довести до стадии эксплуатации несколько экспериментальных приборов. Подробности узнаете у Полежаева. Вопросы есть?

Я не сразу осмыслил происшедшее, но заметив, как Полежаев выразительно похлопывает ладонью по столу, покачал головой. Однако тут же спохватился:

– А кто возглавит мои лаборатории? У нас большинство проектов в стадии доводки...

Протасов нахмурился.

– Во первых лаборатории не ваши (Протасов сделал акцент на слове «Не ваши»). Во вторых, временно исполняющим обязанности до своей защиты кандидатской будет назначен Козубовский.

Я внутренне усмехнулся: «Подсуетился всё таки Лёшка».

– У Вас какие-то возражения. Нет? Ну вот и хорошо. Желаем вам успехов. Можете быть свободны.

Полежаев показал мне пальцем на часы.

– Женя, подожди меня в предбаннике.

Полежаев освободился только через час. В гостинице он дал мне в ознакомление необходимый для оформления новой структуры «НИИЧаВо» пакет документов, а сам сел за телефон.

Просматривая документы, стараясь не исчезнуть в юридических формулировках «прав» и «обязанностей», я наслаждался происходящим со мной. Пока корейцы только готовятся совершить научно-технический рывок к промышленному чуду и экономической свободе – я, получается, это чудо в своём царстве-государстве уже сотворил. Ещё пару дней назад я бы наверняка не смог пережить «свой позор» и научный совет для меня бы стал четвертованием на плахе. А я сижу вот у окна с видом на Кремль, обласканный начальством, готовлюсь вступать в должность директора, в теле моём торжествующая невесомость и упоительное чувство свободы.

Ведь я, натурально, выскочил, нет – вылетел, испарился из жерновов *чувства собственной важности*. Меня больше не снедает стыд! И не бросает в нескончаемый круговорот «спасающих» от этого стыда объяснений «что я – не я и лошадь не моя». Каждый вечер я становился жертвой дневных ристалищ между стыдом и «пыткок-попыток» хоть немного ослабить его изнурительную хватку. А моё живое! тело как раз и было арендой для этой дурацких ристалищ. К вечеру оно становилось физически тяжёлым и неподъёмным от участия в процессах самоистязания, самоуничтожения и «спасительного бегства» в грёзы лицемерия.

Я больше не заложник своих или чьих-то концепций и ментальных установок. Я сам решаю, что есть «правильно», а что «неправильно»! Разумение сделало меня управляющим повозкой моих мыслей, чувств, намерений... Я больше не слепой придаток своих инстинктов! Аве, гер Фрёйд с сотоварищи!

И что? Тело больше не сжирается самоуничтожениями, болезни и немощность больше не будут его закономерной карой. Гы-ы... Может это ещё не свобода, но Путь к свободе! Да!!!

Я рассмеялся. Тогда мне показалось самому, что звуки этого смеха, осветили комнату солнечными зайчиками и звоном весёлых колокольчиков. Это не было хохотом, сбежавшего из тюрьмы узника. Нет, так я смеялся в детстве, когда меня ещё не *обурастило* общество, играющее в песочницах *чувства собственной важности*.

Полежаев прервал телефонный разговор и с удивлением меня осмотрел. Он подошёл к шкафу и вынул с полки коробочку с яркими лейблами.

– Совсем забыл тебе вручить довесок к премиальным. Это мобильный телефон. Теперь тебе не придётся искать таксофоны. Действует он пока не во всех городах, но это ещё и атрибут состоятельности.

Я взвесил увесистый прямоугольник с рядами мелких кнопок. «Да, Мишаня ещё не порылся в этой конструкции. В какой карман я засуну такую бандуру?».

– Я, надеюсь, ты не сожалеешь, что не стал владельцем «Мерседеса»?

Я вполне искренне заверил Полежаева в своём понимании ситуации. Но внутреннего сарказма избежать не смог: «Вместо заработанных денег, начальство похлопало по плечу и напомнило, что вот-вот наступит коммунизм и эти деньги не понадобятся».

Но мне ли сетовать?! Полежаеву пока невдомёк, что обрёл я гораздо большее, чем подарки с барского стола.

– Ты вот что, Женя, успевай оформить документы покамест всё руководство в Москве, чтобы не ловить его подписи по всей Европе. У нас с тобой теперь есть более интересные дела.

«Интересные дела» появились на следующий день после обеда. В номер после лёгкого стука в дверь вошла молодая женщина с девочкой, которая по виду была на год старше моей дочери. От них веяло чем-то не советским. И одежда была импортного производства и явно приобретённой не через спец распределители ГУМа. Полежаев приветственно поднял руку.

– Ага, вот и долгожданный сюрприз. Знакомьтесь, Анжелика Юрьевна, это наш Евгений Васильевич (Полежаев сделал ударение на слове «наш»).

Анжелика Юрьевна удобно устроилась в кресле напротив и пристально меня осмотрела. Наверное так осматривают невесту на выданье.

– Ну что? Годится такое «недостающее звено»? – Иронично прокомментировал Полежаев.

Анжелика Юрьевна улыбнулась.

– Поживём – увидим, Сергей Иванович.

Девочка тем временем деловито принялась осваивать мой мобильный телефон. Взгляд Анжелики Юрьевны скользнул в сторону ребёнка.

– Не беспокойтесь, Евгений. Вероника с техникой на ты. Муж ей вторую неделю обещает детскую модель купить. – Она обратилась к Полежаеву, словно продолжала их незаконченный накануне разговор. – Группа соберётся завтра. Афонин прилетит сразу в Свердловск. Муж пока задерживается в Берлине, но готов заказать у вас аналитический прогноз на открытие в Союзе торгово-развлекательной франшизы. Я убедила его, что без вашей помощи ему не обойтись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.